

БОУ ДО ВО «Школа традиционной народной культуры»

*Светлой памяти исполнителей
народных песен и сказок,
самоотверженных тружеников тыла в
годы Великой Отечественной войны
1941-1945 гг. посвящается...*

СКАЗКИ СРЕДНЕЙ СУХОНЫ

Вологда

2020

В брошюре представлены сказки из сборника

«Народная традиционная культура Вологодской области.

Т.1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны.

Ч.2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор

Сост., науч. ред. Г.В. Лобкова;

авт. колл.: А.М. Мехнецов (рук. авт. колл.),

Е.А. Валевская, Т.Г. Иванова и др. – С. 71-108»

СОДЕРЖАНИЕ

Общая характеристика сказок	1
Образцы текстов сказок	3
Волшебные сказки	3
Новеллистические сказки	9
Бытовые сказки	17
Сказки о животных	21
Кумулятивные сказки	25
Докучные сказки	33

Брошюра подготовлена к X областному

фестивалю юных сказителей

«Доброе слово» (январь, 2020 г.)

Составитель: С.В. Балуевская

На обложке: фото из архива

МБУК «Нюксенский районный центр

традиционной народной культуры»

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций содержат образцы сказок в исполнении прекрасных рассказчиков и рассказчиц – жителей присухонских деревень.

Из сказочников отметим Павлу Платоновну Шушкову (родом из д. Порошин Двор), Анну Александровну Мальцеву (родом из д. Сергиевской),¹ Наталью Фёдоровну Ложкову (д. Лопатино), Ивана Андреевича Дурнева (д. Леваш).

С особой теплотой вспоминают рассказчики своё детство и юность, когда в вологодских деревнях сказки жили полной жизнью, передавались из поколения в поколение, собирали множество слушателей:

«...В детстве наслушалась. Мне бабушка сказывала, а от бабушки бывает ещё бабушка. Вот так и идёт ведь сказка дак – по народу. Пíсня – правда, сказка – ложь. Старики порассказывали сказки-то. К одним вот в эту избу [в д. Меледино] всё ходили, век-повéки ходили, по полной избе. Ещё на какой-нибудь праздник, дак места нет, на полу сидят, на скамейках сидят» (Маркуш., Сергиевская *3282-41, 50).

«Бабушка моя была – отцова мать – старенькая, добрая была бабушка. А вот так и рассказывала сказочки. Она сидит, прядёт ниточки, кудельку прядёт и рассказывает нам сказки. И мы весь вечер и сидим у её у прялочки. Хорошо было слушать сказки-то у бабушек-то! Я и сама вот с[ей]час своим внúчатам, дак всё когда маленькие были, дак рассказываю, дак онé мне до тово надоедä-а-ат: “Бабушка, расскажи, бабушка, расскажи!” Уж большие-то – да ещё просят» (Город., Верхнее Каменное *2314-29).

«– А мы ведь ходили на вечерины-то, прéли раньше кáждой вечер. А большие праздники без прéсниц² ходили. Так опéть наши играли [на гармошке]. Дак вот и занимáлись таким делом – песни пели всякие разные и сказки рассказывали – кто какую знáт.

– Поиграэзт, дак мы и поём пíсни, коротенькие.

– Коротенькие пíсни.

(Это на вечерах?)

– На вечерах.

(И какие сказки рассказывали?)

– Да всякие рассказывают. Дак не сказать сейчас. Не сказать дак» (Город., Федьковская, *2315-13).

В местном репертуаре сохранились сказки волшебные, новеллистические, бытовые сказки, сказки о животных, кумулятивные, докучные. Тексты их не всегда отличаются сохранностью, некоторые фрагментарны. Нередко рассказчики опираются на современное видение ситуаций, пользуются быденными, бытовыми оборотами речи. Так, приехавший в город принц останавливается в столовой, уезжает в командировку, у него имеются не портреты невест, а их фотографии, герой работает в часовой мастерской и тому подобное (сказка «Ум и Счастье»).

Некоторые сказки сопровождаются песенками, использующими краткие мелодические образования – повторяющиеся попевки, основанные на речевых интонациях. Обращает на себя внимание песенка, которую «поют волки» в сказке «Волки, старик и старуха» (№ 17). Система стихосложения (тонический восьмисложник), композиция (стиховой напев), интонационно-ладовые закономерности (узкообъёмное мелодическое звено) связывают этот напев со сказительской традицией, с напевами хоровых причитаний. При этом ситуативная составляющая (попрошайничество поющих) позволяет высказать предположение о возможном родстве напева с традицией пения нищих, вероятно – и калик перехожих.

В рукописных материалах экспедиции Ленинградской консерватории 1974 года, проходившей в Нюксенском и соседнем Тарногском районах, имеются три тетради, переданные участникам экспедиции местными жителями. На первой из них есть надпись: «Сборник произведений местного народного творчества, собранных членами литературного кружка Верховской восьмилетней школы в 1965–1966 учебном году (Тарногский район)». В тетрадях содержится несколько сказок («Про солдата», «Богатый Марко», «Красён-красён дворец»), записанных детскими почерками; только одна сказка («Лиса-причётальница») записана взрослым. Верховье соседствует с той зоной,

¹ Записи от П. П. Шушковой и А. А. Мальцевой произведены соответственно в с. Нюксеница, и в г. Вологда.

² «Прéли», «прéсницы» – пряли, прялки.

которую мы представляем в настоящем издании, и поскольку сказки не имеют узколокальных характеристик (что в значительной степени обусловлено и самой природой данного жанра), а также учитывая уникальность этих рукописных документов и сроки записи (около полувека назад), составители решили включить в издание эти образцы. Записи сказок даны в тетрадах с соблю-

дением норм литературного языка, но с сохранением некоторых диалектных особенностей. Удараения в словах не проставлены. Орфографических ошибок практически нет. Тексты приводятся в полном соответствии с оригиналом, внесённые изменения касаются лишь синтаксиса (в некоторых случаях) и графического оформления прямой речи и стиховых форм.

А больше не буду сказывать – заботи́сь!

– Нет. Да нет.

– Не заботи́сь? Ну, слушайте дальше.

Жили-были старух да стариха. У них был большой дом. У дома были большие окошка. И в-под окошке выросла берёза. А на эту берёзу ворона повадилась, да и часто. Ну, прилетит, посидит и опять улетит, и опять улетит.

А дальше уж не буду сказывать. Страшно дальше-то!

– Дак а чего там было на самом-то деле дальше?

– А дальше было вот чево. Эта ворона не стала летать, эта берёза куда-то исчезла. А в этом домике остались жить, жить да поживать старух да стариха. Ну вот.

Коточик да палочка – вся и сказочка».

с. Нюксеница. Исп.: Шушкова Павла Платоновна, 1914 г. р. (род. из д. Порошин Двор, Юшковского с/с). В записи принимали участие дети – они отвечают на вопросы рассказчицы. Зап.: Федотовская О. А., 06.07.2001. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2121-04. Расп.: Балувевская С. В. Комм. исп.: «Интересно ведь всё-таки, как дальше-то будет: как с домом-то с этим, как со старухой, со старихом-то да со старухой-то, да ведь и берёза-то – как она? Может она ишшо в два, в три раза вырастет больше дома-то». В СУС разнообразные сюжеты докучных сказок зарегистрированы под индексом СУС 2300 «Докучные сказки».

№ 24. «Бежит бычок по́ углу»

«– Сказочку вам росска́зть про бе́лого бычка?

– Давайте.

Бежит бычѣк по́ углу...

– По чему?

– По углу. По́ углу. Вон у дома-то у́глы-то. И он по́ углу-ту по этому и бежит.

Топаёт по нитке,
А пля́шет по верёвке.

Ну, какова эта сказочка-та? Понравилась вам?

– Да.

– Вы говорите “да”, да и я говорю “да”.

Дак бежит бычѣк по́ углу,
Топаёт по ниточке,
Пля́шет по верёвочке.

Поняли?

– Угу.

– Вы говорите “по́няли”, да и я говорю “по-няла”.

Дак бежит бычѣк по́ углу,
Топаёт по ниточке,
Пля́шет по верёвочке.

Ну, теперь-то поняли?

– Нет.

– Ну, вы говорите “нет”, да и я говорю “нет”.

Дак бежит бычѣк по́ углу,
Топаёт по ниточке,
Пля́шет по верёвочке.

Хорошая сказочка?

– Да.

– Вы говорите “да”, да и я говорю “да”.

Дак бежит бычѣк по́ углу,
Топаёт по ниточке,
Пля́шет по верёвочке.

Ну, как, нравитца?

– Нет. Не очень.

– Вы говорите “не нра́витца”, да и я говорю “не нра́витца”.

Дак бежит бычѣк по земле,
И топаёт он по дорожке.

А пля́шет-то ведь он – бычѣк-от не пля́шет.
Не пля́шет ведь он?

– Да, не пляшет.

– Ну, вот. Так всё жо не понравилась эта сказочка?

– Понравилась.

– Понравилась? Понравилась, да?

– Да.

– Понравилась. Да. Ну, за то, што вы слушали внимательно, большоё вам спасибо. Кто слушал... Сказочке-то ведь конец, а хто слушал, дак тот молодец! Вот и вы все – молодцы!».

с. Нюксеница. Исп.: Шушкова Павла Платоновна, 1914 г. р. (род. из д. Порошин Двор, Юшковского с/с). В записи принимали участие дети – они отвечают на вопросы рассказчицы. Зап.: Федотовская О. А., 06.07.2001. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2121-05. Расп.: Балувевская С. В.

№ 25. «Про белого бычка»

«– Росскажу́ я тебе, Шура, сказочку про бе́лого бычка.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ СКАЗОК

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

№ 1. «Морозко»

«У старика да у старухи [было две дочери]... У старухи была неродная дочь. Старику-ту – родная – та и другая, а старухи – неродная.

– Ой, старик, убирай девку. Убирай, убирай! Ненавижу! Ненавижу твои́е до́чери. Куды́-нена-будь да девай!

Старик:

– Дак куды́ же я ие́ деваю?!

– А повези в лес! Эво́ какая холоди́на, пусть там замёрзнет дак. Ие́ съедят волки.

Ну што ведь уж? Старику делать не́чево, на-[д]а подчиня́тьце.

– Давай, давай, девка, садисе.

Дак наредил её в шубку да, коё-как снарядил то́жо да. И повёз в лес!

Привёз в лес. Посадил под ёлку:

– Вот, сиди тут, дожидайсе Морозко.

Ну, девке делать не́чево, куды́ она побежит? Сам заворотил лошадь да домой – бего́м да бего́м! Кобыла-та не бе́ды не ходит, а всё одно – ей ви́цей хлёщет да, бего́м наряжа́т.

Девушка сидела, сидела, стала уж то́жо озяба́ть... Вдруг Морозко-то прибежал, Морозко. Морозко прибежал и скачет, говорит:

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкыва́т
Да девушке в лоб покола́чива́т,
Дак, девушка, тепло́ ли,
Голубушка, тепло ли?

А она и отве́ча́т:

– А, Морозо́нька, тепло,
Голубочек, тепло,
Красно солнышко, тепло.

А Морозко уж видит, што она замерза́т, скинул ей хороший платок тёплой. Опе́ть:

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкыва́т,
Девушке в лоб покола́чива́т,
Девушка-голубушка, тепло ли тебе?

– Ой, Морозо́нька, тепло,
Ой, тепло-о-о, милый, тепло.

Опе́ть ей скинул шубу. В шубу наредила́сь, опе́ть:

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкыва́т
Да девушке в лоб покола́чива́т.
Дак, девушка, тепло ли,
Голубушка, тепло ли?

– О-о-й, Морозо́нько!
Морозы́нько, тепло,
Голубочек, тепло,
Красно солнышко, тепло!
Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!

Морозу-ту лю́бы э́дакие слова да и... Он опе́ть ей катани¹ скинул. Ну вот. Девке нарядки наски́дывал! Всево́ наски́дывал.

Ну вот, всё и сидит, всё и сидит...

А потом ещё опе́ть, ещё захотел Морозко ей дать гостинца – полюбил девушку-ту, ведь де-вушка-та хорошо отнóситце к ему.

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкыва́т,
Дак девушке в головку покола́чива́т.
Дак, девушка, тепло ли,
Голубушка, тепло ли?

– Морозо́нька, тепло,
Красно солнышко, тепло.

Ой, как се́ча́с наредиласе! Он ёй – весь це-модан с нарядкой – за ласковые слова. Вот дев-ка-то обрадела-то,² обрадела-то! Ну вот и си-дит...

Вдруг через день (й)и́дет оте́ц на лошаде́:
– Тпру!

О-ой, девка-то обраде́ла – ай, ведь тятя при-ехал!

– Чево́, тятенька?

– А-а, да ну-ко ты жива? Жива, не замёрзла?

– А мне, – [говори]т, – о, Морозко нарядки надал да, и наредил меня.

– Ой-ёй-ёй-ёй! Ой, девка, ты хорошо наряже-на. Так давай уж коли – пойдем домой?

¹ «Катани» – валенки.

² «Обрадела» – обрадовалась.

А девка ведь уж и рада! Ну вот, поехали домой. Приехали под окошко. Девка-та пришла под окошко-то, а она [мачеха] и пекёт блины-те.

А собака-та и выхвалила, щё:

– На девушке стучит да гремит! Стучит да гре...

– Ну-у-у, падина-роспадина!³ Ты бы сказала: “Косточки в мешочке стучат да гремят”. А ты опеть: “На девке – стучит да гремит”. Девка не нада, а опеть привёз домой! Ну, ладно уж.

Девка зашла в избѹ. А – пекёт блины дак, напѹгчивала блинам-та ведь ишь как... Ну вот. Вот и всё.

– А вот повези мою-ту девку (опеть родную-та это её-то). Повези мою родную девку! Пус[т]ь ие эдак нарядит Морозко.

Ну што ведь уж? Пришли:

– Давай, наряжайся.

Наредила свою-ту девку, родную-ту. Наредила да и давай... Отець и повёз <...>:

– Давай, садись в розвальни дак, поїдем.

Привёз, под ёлку посадил:

– Вот сиди, дак Морозко к тебе придёт.

Вот она и сидит. А ведь во какая холодина, дак всё равно уж озябла.

Вдруг Морозко опеть и приходит:

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкываэт
Да девушке в лоб поколáчиваэт.
Девушка, тепло ли,
Голубушка, тепло ли?

– У-у-у, пади́на-роспади́на! Я и так замёрзла, а ты ещё мне досажáешь да колóтишь. Уходи! А он ещё:

– С ёлочки на ёлочку Морозко поскáкываэт
Да девушке в лоб поколáчиваэт.
Дак, девушка, тепло ли,
Голубушка, тепло ли?

– Уходи-и-и, паде́шь⁴ эдакой! И досажáет ещё! Замерзаю!

Дак он ещё как ей стукнул – дак и всё, замёрзла. Ну вот и всё. <...>

Жили-пѹжили, денёк-другой прошёл. И говорит [старуха]:

– Поезжай, дедко, по девку-то, по мою-ту ведь уж, наряжена поди-ко. Опеть я вот ставлю

блины пекчи́, дак на горéчи-ти воккура́т и привезёшь.

Ну, дедко, ак ишь как?.. Давай, запря́гсе, опеть давай ехатъ. Приехал, а она уж – всё, замёрзла, вся околела. Эдакой коколóй-то [?] пехнѹл в мешок да давай везти.

А собачка выскочила из-под сожкá⁵ да: “Косточки в мешочке стучат да гремят! Косточки в мешочке стучат да гремят!”

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! – [заругала] бабка. – Ой, што ты, што ты, што ты, падина, поёшь?! Ведь не эдак нады-то! Нады-то: “На девушке стучит да гремит!” Пáдешь ты эдакой!

Сковорóдником её – хлесь! Собака завизъжала, убежала. А девку привёз под окошко. <...> Девка в мешке лежит.

– Ну, бабушка, привёз, – старик говорит. – Бабка, привёз.

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!

– Эвон, – говорит, – Морозко уж ие заколотил!

– Ой, што это, што это! Ой-ёй-ёй!

Давай старуха причитать! Причитала, причитала... Сходили, яму выкопали да в яму увезли, да охоронили. Дак вот всё везде слѹшатьче надэ.

Коточик⁶ да палочка, дак вся и сказочка. <...>

Сказка, сказка,
Еловая подмазка,
Елов пресник,
На полице прокис,
Семерым не сѹйс[т]ь,
Пришѹл дякон
Да всё и смякал.

г. Вологда. Исп.: Мальцева Анна Александровна, 1911 г. р. (род. из д. Сергиевской, Раменского с/с, Тарногского р-на). Зап.: Шалашов А. В., 1989 г. Архив ФЭЦ СПбГК (копия), № ОАФ 3282-41, 42. Расп.: Валиевская Е. А. СУС 480=АА 480*В «Мачеха и падчерица».

№ 2. «Про солдата»

«В одном прекрасном городе был солдат Федот-стрелец. Он занимался охотой. В одно прекрасное время идёт он по речке. На берёзке сидит птичка. Он было хотел её стрелить, а она и сказала человеческим голосом:

Нотный пример к сказке № 21:

№ 22. «Репка»

«Рóстили репку дед да баба, дед да баба. У (й)их выросла репка широка́ и глубока́, и кре́пка, хороша́ и кре́пка. Дед тянёт эту репку – вытянуть не мо́жет. За дедка бабка – вытянуть не мо́гут. За бабку внучка – вытянуть не мо́гут. За внучку Жучка – вытянуть не мо́гут. За Жучку – мышка. Тянут-потянут и репку вытянули! Вот».

д. Пожарище, Уфюгский с/с, Ньюксенский р-н. Исп.: Бритвина Александра Александровна, 1923 г. р. Зап.: Кошпир О. Н., 08.11.1996. Экспедиция Ньюксенского ЦТНК. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2443-49. Расп.: Балуевская С. В. Комм.: «Маленьким рассказывали». СУС 2044 «Репка».

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

№ 23. «На берёзу повадилась ворона»

«Вот жили-были старѹх да старѹха. У них была большая-большая изба. К этой избе берёза выросла – высокая-высокая берёза. И на эту берёзу повадилась ворона: прилетит и опять улетит, прилетит и опять улетит.

Нет, больше не буду сказывать – забоитесь. Забоитесь ведь?

– Нет.

– Не забоитесь?

– Нет.

– Ну, буду продолжать дальше.

Жили-были старѹх да старѹха. У них был большой дом. У дома были большие окошка. И в-под окошке выросла берёза, высокая-высокая – выше крыши. И на эту берёзу повадилась ворона: прилетит и опять улетит, прилетит и опять улетит.

Нет, больше не буду – забоитесь, страшно тут.

– Нет.

– Страшно?

– Нет, не страшно.

– Не страшно?

Жили-были старѹх да старѹха. У них был большой дом. У дома были большие окошка. И в-под окошке такая берёза выросла – в два раза выше крыши. И на эту берёзу повадилась ворона: прилетит и опять улетит, прилетит и опять улетит.

³ «Падина» – «падаль... бранное выражение» (СВГ. С. 117).

⁴ «Падеть» – от «падаль».

⁵ «Сожок» – «сажок», устройство для содержания в неволе животных (Даль В. И. ТС. Т. 4. С. 128).

⁶ «Коточик, коточик, коточек...» – большое плоское, широкое и кривое шило, для плетения лаптей (Даль В. И. ТС. Т. 2. С. 179).

– Ну, дедко, колобок испёксе!
– Ну, дак давай, поедим!
– Не-е-ет, на́дэ ево́ на око́шечке остудить.
Горя́цево не на[до], нет, пус[т]ь осты́нёт.

– Ну, ладно.
Бабка на око́шечко колобок положи́ла. А око́шечко-то было открыто. Колобок-от лежа́л, лежа́л на око́шечке-то да и скати́ўсе в-под окно́. Скати́ўсе да и покати́ўсе.

Катитце, ка́титце, навстре́цю ему бежит зае́нька:

– Ах, какой колобок! Я тебя съем!
– Нет, зае́нька, ты меня не ешь, я тебе песенку спою.
– Ну, давай, пой.

– Я колобок, колобок,
По сусекам метён,
По лукошкам скребён,
Я на масле мешён,
На окошке стужён.
Я от дедушка ушёл,
Я от бабушки ушёл.
А от тебя-то, зае́нька,
И по́давно уйду!

И опять покати́ўсе. Ка́титця, ка́титця, вдруг навстре́цю колобку – волк:

– Ах, какой колобок! Я тебя съем!
– Ну-у-у, серый волк, не ешь, я тебе песенку спою.
– Ну, давай, спой.

– Я колобок, колобок,
По сусекам метён,
По лукошкам скребён,
Я на масле мешён,
На окошке стужён.
Я от дедушка ушёл,
Я от бабушки ушёл.
Я от зайчика ушёл,
А от тебя, серый волк,
Я тоже уйду!

И опять покати́ўся. Волк то́ко посмотрел...
Ка́титця, ка́титця, ка́титця. Вдруг медведь идёт:

– Ах, какой колобок! Я тебя съем!
– Ну, Мишенька, ты меня не ешь! Я тебе песенку спою!
– Ну, давай, пой.
Колобок запел:

– Я колобок, колобок,
По сусекам метён,
По лукошкам скребён,
На масле мешён,
На окошке стужён.
Я от дедушка ушёл,
Я от бабушки ушёл.
Я от зайчика ушёл,
Я от волка ушёл.
А от тебя-то уж, мишка косолапый,
По́давно уйду!

– Ах, ты какой!
Опять упустил мишка, покати́ўся колобок.
Ка́титця, ка́титця, навстре́цю – лиса [произносит высоко, нарочито ласково]:
– Ах, какой колобок! Я тебя уж съем!
– Ну, лисо́нька, не ешь меня, я тебе песенку спою.
– Ну, давай, пой. Я глухая, дак ты уж мне-ка на нос садись.
– Ну, ладно.
Колобок заско́чил на нос лисе и стал пить:

– Я колобок, колобок,
По сусекам метён,
По лукошкам скребён,
На масле мешён,
На окошке стужён.
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушка ушёл.
От зайчика ушёл,
От волка ушёл.
От медведя ушёл.
А от тебя-то, лисо́нька,
И по́давно уйду!

А лисо́нька – раз! – той поро́й да и съела ко-лобо́чка. Вот и всё. <...>
Кото́чик да па́лоцька – вся и ска́зоцька!
Шчу́ка да еле́ць – сказке ко́нечь!».

д. Хохлово, Брусенский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Куковрова Галина Ивановна, 1926 г. р. Зап.: Федотовская О. А., Елисеева М. В., Анухина О. В., 28.06.2000. ЭКСПЕДИЦИЯ ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 1922-41. Расп.: Балуевская С. В., Брагина М. С. (нотация). По комментариям исп., присказки в конце могут быть разные: «“Уж кто слушал, дак тот дурак!” – не всё вме́сте, а в каждой сказке э́дак говорят: то то, то друго́е скажут». Г. И. Куковрова рассказывает сказку медленно, приглушённым голосом, протягивая гласные на некоторых акцентных слогах («на ма-а-аслице на-меси́ла, в пе-е-еи́чку посади́ла. Испё-о-о-ксе колобок»). СУС 2025 «Колобок».

– Федот-стрелец, не стрилей меня, возьми меня, посади в пазушку. Принеси домой, посади на окошечко и хлопни правой долонью по левой косице, так обернись девицей.

Он принёс её домой, так и сделал: посадил на окошко, хлопнул правой долонью по левой косице, и птица обернулась девицей такой прекрасной, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и назвалась Василисой Прекрасной.

Живут они, не нарадуются. Ей стало скучно без работы. Она его посылает в город. Говорит:

– Купи три аршина кумачу и всяких разных ниток.

И стала она вышивать ковёр. В одну ночь вышила весь город и улицы. И посылает Федота-стрельца:

– Иди в город, продавай.

Он пошёл в город продавать, раскинул ковёр, а тут царь. Царь удивился такому ковру и спрашивает:

– Кто у тебя вышивает такие ковры?

А он отвечает:

– Жена.

Царь его запросил:

– Ты мне его продай.

А он и ответил:

– Пожалуйста.

И запросил сто рублей. Опять попутно купил три аршина кумачу и разных ниток.

Опять стала она ночью вышивать ковёр. Опять вышила этот город, все реки, рички, моря, озёра, даже рыбок в морях. Опять говорит:

– Иди, Федот, продавай, проси двести рублей. Да купи голубого кумачу, да ниток всяких разных.

Опять пошёл. Стоит толпа. Все дивятся: что за диво, что за чудо? А царь опять не дал никому взять, сам купил, отдал двести рублей. Он и спрашивает:

– Кто это работает?

Отвечает Федот-стрелец:

– Жена.

Царь спросил:

– Как бы её посмотреть?

Федот-стрелец и говорит:

– Пожалуйста.

И царь пошёл вместе с Федотом-стрельцом. Пришёл царь. Больно понравилась ему жена Федота. Затосковал, заснуть даже не мог. А Василиса Прекрасная третий ковёр вышивает. На треть-

ем ковре она вышила весь царский дворец. И опять посылает:

– Иди, Федот, продавай.

Опять Федот идёт, ковёр раскинул, а толпа дивится. И царь уж тут, не зевает. Ковра дожидается. Царь опять спрашивает:

– Сколько стоит этот ковёр?

Запросил Федот триста рублей, царь подал. Царь ковром не налюбуется, вот потом и говорит:

– Вот бы мне такая жона.

Он придумывает, куда бы Федота-стрельца девать, но сам ничего не мог придумать и послал [слуг] узнать к бабушке-затворенке,⁷ куда бы послать Федота-стрельца. Они и спрашивают:

– Бабушка, придумай, куда бы девать Федота-стрельца?

А бабушка вот что придумала:

– Вели сходить за тридевять земель, есть там коза Золотые рога.

Вот они сказали царю, что придумала бабушка-затворенка, а царь и призывает Федота и говорит:

– Сходи за тридевять земель, за тридевять морей, достань козу Золотые рога, и приведи мне.

Вот Федот-стрелец пошёл невесел, ниже плеч головушку повесил. Ну вот, приходит домой. Жена спрашивает:

– Что, Федот, невесел, что головушку повесил?

А он жене и рассказывает:

– Царь задачку задал: велел сходить за тридевять земель, за тридевять морей и достать козу Золотые рога.

Вот жена и говорит:

– Это не задача. Все задачи впереди, – говорит. – Утро вечера мудренее, вставай пораньше, тебе в дальнюю дорожку отправляться.

Федот лёг спать, а она сидит, носовой платочек вышивает. Вот вышла она на крылечко, махнула платочком, говорит:

– Дивицы, дивицы, все мои сестрицы, будьте передо мной и помогите моему горю.

Все дивицы слитились к ней, а она и сказала: – Помогите моему горю. Царь дал моему мужу задачу: велел сходить за тридевять земель, за тридевять морей и достать козу Золотые рога.

Через час коза была уже у Федота.

Наутро жена Федота-стрельца будит:

– Вставай, Федот-стрелец, надо в дальнюю дорогу отправляться.

⁷ Обычно в сказках: бабушка-затворенка.

Федот попил, поел, а она и говорит:

– Поведи козу Золотые рога к царю.

Вот ведёт Федот-стрелец, а люди дивятся. Заходит к царю во дворец и говорит царю:

– Принимай козу.

Царь удивился, как мог достать больно скоро? А потом царь опять посылает слуг к бабушке-затворенке, не придумает ли ещё чего бабушка-затворенка. Опять приходят слуги:

– Бабушка, царь послал, ещё не придумаешь ли, куда Федота-стрельца послать?

А бабушка и говорит:

– Пошлите туды, не знаю куды, велите принести то, не знаю что.

Слуги приходят к царю и рассказывают:

– Вот что бабка придумала. Велела сходить туды, не знаю куды, принести то, не знаю что.

Царь призывает Федота-стрельца:

– Вот тебе такая задача: поди туды, не знаю куды, принеси то, не знаю что.

Федот-стрелец пошёл невесел, головушку повесил. Спрашивает жена:

– Что, Федот, невесел, что головушку повесил?

А он отвечает, что царь велел сходить туды, не знаю куды, принести то, не знаю что. Жона и сказала:

– Я тебе, Федот, говорила, что это не задача. А вот это задача так задача. Утро вечера мудренее, вставай пораньше.

Федот лёг спать, а она вышла ему на полотенце его имя и своё имя. На крылечко вышла и махнула платочком, и говорит:

– Дивичи, дивичи, прилетите, мои сестричи, помогите моему горю. Задал царь моему мужу задачу: велел сходить туды, не знаю куды, принести то, не знаю что.

Товковали, товковали, ничего не могли придумать. Этому горю не помочь. Тут она пришла домой, разбудила мужа, напоила, накормила, и он пошёл. Нашёл туду ему клубочек:

– Куда клубочек покатится, туда и иди. На каждом ночлеге этим полотенцем утирайся.

Федот-стрелец пошёл за клубочком. Вот куда клубочек катится, туда и он идёт. Идёт день, идёт два. Подходит к избушке. Тут живёт её мать. Стал утираться полотенцем. А они и узнали: это наш зетенька. Он им рассказал обо всём, куды пошёл. А тёща перешептала клубочек, а клубочек и покатился.

Пошёл он за клубочком. Идёт он день, идёт два, идёт три. Прикатился клубочек к избушке. Заходит он в избушку. Живёт старушка. Встретилась она хорошо. Дала покушать. Опять стал он вы-

тираться своим полотенцем, а она и узнала: это наш зять. Этой старушке он и рассказал:

– Послал царь: иди туды, не знаю куды, принеси то, не знаю что.

Вот она ничего не могла придумать, перешептала клубочек и приказала: иди за клубочком. За клубочком идёт ниделю целую. Клубочек прикатился к рике и тут остановился. Он сидит на берегу. Клубочек не катится, и он не знает, куда идти. Смотрит на рiku, а рика такая, что глаза не встают. К нему прискакала лягушка. И говорит человеческим голосом:

– Я знаю, куда ты пошёл, и что тебе надо.

Приказала лягушка:

– Ты меня дуй, я сделаюсь большая, перекину ноги, и ты перейдёшь, а потом опять будешь дуть, а я опять буду маленькая.

Он перешёл, лягушку подул, она сделалась маленькая, прыгнула в воду и исчезла. Он пошёл по бережку. Нашёл тропочку, пошёл по тропинке, подошёл к избушке. Зашёл в избушку – никого нет. Залез под кровать. А время – двенадцать часов дня. Заходят два старца, садятся за стол и говорят:

– Шап-разум, собери нам поись.

Вот видимо-невидимо на стол всего было собрано: и хлеб, и закуски, и вино, и соль. Старички поили и сказали:

– Убери, Шап-разум.

И всё убралось. Эти старцы ушли на работу. Федот-стрелец вылез из-под стола, сел за стол и сказал:

– Шап-разум, покорми меня, я давно не ел.

Всего опять насобирилось видимо-невидимо. Вот и говорит Федот:

– Шап-разум, садись со мной покушай.

Он и говорит:

– Вот какой человек нашёлся, меня с собой приглашает покушать, а я этих старцев тридцать лет кормлю, они меня ни разу не пригласили покушать.

И согласился Шап-разум идти с Федотом. Захватил Федот-стрелец у этих старичков столик, поставили столик, сел Федот на стол и плывёт. Все дивятся, плывёт человек на столике через такую рiku.

А тут плывёт судно, а они никак от него не отстают, с судном наравне плывут. Те дивуются. Пригласили Федота-стрельца со столом. Сел Федот на судно. Он и сказал:

– Шап-разум, покорми меня.

Все смотрят, дивуются. Запросили Федота-стрельца, чтобы продал им Шапа-разума. А Шап-разум сказал:

№ 19. «Волки, старик и старуха»

«Вот жили старик со старухой. У их было семеро овёценёк да собачка-дворяшка. Вот прибежали волки под окошко-то. Да и запели:

– Старик со старушкой живут хорошо.

У их семеро овёценёк

Да собачка-дворяшка.

– Ой-ёй-ёй! – старик говорит. – Ой, старуха! Какую песню-то поют красивую да хорошую. Гледи-ко ты! Про нас ведь с тобой! Ну, давай послушаем.

Опять прибежали дак:

– Старик со старушкой живут хорошо.

У их семеро овёценёк

Да собачка-дворяшка.

– Ой-ёй-ёй-ёй! Да хорошо коли поют. Давай овечек выкинем.

Опять выкинули.

– Пусть ещё попоют.

Вот опять волки поют:

– Старик со старушкой живут хорошо.

У их семеро овёценёк

Да одна собачка-дворяшка.

– Ой-ёй-ёй! До чего хорошо-то поют. Да што правда, да будь ещё овечка выкинуть.

Да всех выкидали. Остались без овёц.

Волки пили-пили да наелись, да убежали в лес.

Коточик да палочка, вот и вся сказочка».

г. Вологда. Исп.: Мальцева Анна Александровна, 1911 г. р. (род. из д. Сергиевской, Раменского с/с, Тарногского р-на. Зап.: Шалашов А. В., 1989 г. Архив ФЭЦ СПбГК (копия), № ОАФ 3282-46. Расп.: Вавельская Е. А. СС 163 «Пение волка (реже – медведя)).

№ 20. «Как старик отдал всех овещ»

«А сказку расскажу:

Жили да поживали старик да старуха. У их было семеро овёценёк. А к им повадился какой-то. И придёт вот, и кричит:

– Отдай, старик, старуху! Отдай, старик, старуху!

– Ой, – старуха говорит, – кто-то, – г[ово]рит, – к нам идёт.

И просит [старик] старуху:

– Дак как, – г[ово]рит, – тебя отдавать или нет?

– Нет, – говорит, – старик, никак неохота, не отдавай меня. Поди-ка овцы есть во хлеве, дак овёцку выпихни.

А было семь штук, всех выпихал он. Он уйдёт, поправитца, съест, опять там через день, через два опять идёт и кричит:

– Отдай, старик, старуху!

Он опять ему овечку выпихнет. Всех и выпихал. Зимой-то негде ницево, жить-то дак...».

д. Бор, Городищенский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Драчёва Федосья Михайловна, 1910 г. р. Зап.: Дорджиева Г. А., Демидова Ю. В., 18.09.1987. Совместная экспедиция ЛОЛГК (СПбГК) и ВПИИ (ВПИУ). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2329-05. Расп.: Вавельская Е. А. СС 163 «Пение волка (реже – медведя)». Текст являет собой пример сохранения содержания и элементов сюжета, но при этом – полного разложения сказочной образности и формульности.

№ 21. «Колобок»

«Жили-были дед да баба. У (й)их нечево было (й)исть. Дёдко бабке и говорит:

– Поди-ко, баба, в онбár, поскреби-ко по сусекам-то – нет ли муцьки, да испеки колобок!

Пошла баба в онбár. По сусекам скребла, по лукошам мела – и наскребла муцьки блюдецько. Принесла домой. Давай колобок пекци: на маслеце намесила, в пещьку посадила. Испёсе колобок.

№ 18. «Волки, старик и старуха»

«У старика да у старушки было семь овечёк да собачка-сучка, да бычѣк чѣрно-пѣстренькой. А жили-то онѣ на хуторе, вблизи-то не было некаких домиков. И вот волки и понавѣдались. Услышали: овечёк много и собачка ес[т]ь, и бычѣк чѣрно-пѣстренькой. Собрались онѣ табуном, пришли, сели к окну (а домик-то был ни-и-изенький). Сели на землю-ту к окну да и запели:

– У старика-а-а, у старушеньки
Было семь да овечѣнѣк,
Была сучка-копытченка,³⁹
Был бычѣк чѣрно-пѣстренькой.

Старик и говорит:

– Ой, старуха, как баско поют-то! Давай, выбросим одну овечку. Мне уж и пылко-то поглянулось, што онѣ баско-то поют!

Выбросили овечку-ту. Волки-ти съели овечку-ту, да и шкуру на огород повѣшали, да и сами ушли. А на второй день... на второй день опять идут, опять поют:

– У старика-а-а, у старушеньки
Было шес[т]ь да овечѣнѣк,
Была сучка-[дворяшечка],
Был бычѣк чѣрно-пѣстренькой.

– Давай, старуха, выбросим ишшо овечку-ту. Ой, как мне поглянулось, как онѣ баско поют-то!

Выбросили и вторую овечку. [Волки овечку] съели, шкуру – на огород, а сами ушли. И покуда

онѣ всех овечѣк не переели, всё ходили, пели. Всѣ – овечѣк больше не стало. [Волки] пришли, запели:

– У старика, у старушеньки
Была сучка-[дворяшечка],
Был бычѣк чѣрно-пѣстренькой.

Уж овечѣк-то нет, дак нѣчѣво петь-то.

– Ой, старуха-а-а, мнѣ-ка уж пылко-то глѣнетце! Давай-ко сучку-ту выбросим. Што ведь?! И без собачки живѣм.

Выбросили собачку. Онѣ съели собачку, опять шкуру – на огород и сами ушли. Назавтра опять идут и опять поют:

– У старика, у старушеньки
Был бычѣк чѣрно-пѣстренькой.

Больше уж нековѣ нет.

– Давай, старуха, зачем нам уж одново бычка держать, отдадим волкам-то.

И вот волки-то, вишь, переѣли, всех-всех-всех переѣли. И вот старик да старуха и остались ни с чем.

Коточик да палочка – вся и сказочка. <...>

Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало».

с. Нюксеница, Нюксенский р-н. Исп.: Шушкова Павла Платоновна, 1914 г. р. (род. из д. Порошин Двор, Юшковского с/с). Зап.: Федотовская О. А., 04.07.2001. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2121-02. Расп.: Балуевская С. В. (текст, комм.), Брагина М. С. (нотация). Напев транспонирован на полтона вверх. СС 163 «Пение волка (реже – медведя)».

Нотный пример к сказке № 18:

♩ = 240

У ста - ри - ка, у ста - ру - шень - ки,

бы - ло семь да о - вѣ - че - нѣк,

³⁹ См. примечание к тексту № 17.

– Ты меня продай, а я с ними не останусь. Я иду с тобой.

Вот ему дали топор-саморубчик, дубинку-воинку и трубку-бесчислянку. Вот подъезжают к нашему городу, приходит домой – жены нет, царь утробрал. Шап-разум сказал:

– Прикажи топорнику-саморубчику рубить лес.

Посмотрели в трубку-бесчислянку, видят много людей. Дом срубили. Дубинка-военка положила брёвна катать. И вышел дом лучше царского. А царь утром встал и говорит:

– Спать ложился – дома не было, а за ночь дом вырос.

Царь невзлюбил и сразу догадался, что это Федот выстроил дом. Собрал царь войско, приказал этот дом раскатывать. Федот-стрелец извещил жене, чтобы вышла из царского дворца. А как Федот и Шап-разум посмотрели в трубку-бесчислянку и увидели войска большие, [больше], чем у царя. И сказали дубинке-военке:

– Раскатай царский дом.

Дубинка раскатала дом, и Федот стал жить ипеть со своей женой Василисой Прекрасной».

Печатается по рукописной тетради. Экспедиция ЛОЛГК СПбГК, 1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № РФ 753. Рукопись передана местными жителями. На тетради надпись: «Сборник произведений местного народного творчества, собранных членами литературного кружка Верховской восьмилетней школы в 1965–1966 уч. году (Тарногский район)». Орфография сохранена. В тексте имеются разночтения: «царь / царь, кона / жена, дивичи / дивичи, река / рика». СС 465 А «Кравница-жена (Пойди туда, не знаю куда)».

№ 3. «Богатый Марко»

«Жил-был на свете Богатый Марко. У него была одна-единственная дочь. Жил он на большой дороге. Проезжающие к нему все приворачивали кормить лошадей, принимал он только одних богатых, бедных не принимал.

Приходит к нему однажды странник, старый старичок. Попросился он ночевать у Марка. Он его не пустил. Попросил старичок краюшку хлеба – он ему бросил наотмашь. Говорит:

– Поди ночуй у моей матки. Она живет в хижине сбоку. Мать у меня уже три года болеет, не ходит даже на улицу.

Ушел странник к матери. Та ему говорит:

– У меня пахнет. Я лежу третий год. Тебе у меня не понравится.

Но странник говорит:

– Ночую у тебя.

Затушила старушка:

– У меня покормить-то тебя нечем.

А он сказал:

– Твой сын бросил мне краюшку, так и поедим!

Открыл он корзинку, а там всего видимо-невидимо. Они поели, а из корзинки и не убыло (странник был – сам Господь Бог).

Потом они легли спать. Старушка положила его на лавку к окошку. В двенадцать часов ночи прилетел ангел⁸ и говорит страннику:

– В Руси народилось три мальчика. Чем их наделить?

Странник отвечает:

– Надели одного батьковым счастьем, другого – маткиным, а третий родился – шестой сын, надели его Марковым счастьем и богатством.

Ангел улетел. Настало утро. Попрошались странник со старушкой и велел ей идти самой по дрова на улицу. А она ему говорит:

– Как же я пойду, как три года не бывала на улице: ног нет.

А странник говорит:

– Всѣ равно иди.

Она встала и пошла, будто и не лежала три года. Марко увидел, удивился. Бежит к матери, спрашивает:

– Что с тобой?

Она и рассказывает:

– У меня сегодня ночевал странник, он меня и исцелил.

Догадался Марко, какой это был странник.

– Тут прилетел к нему ангел и сказал, что народилось три мальчика. Странник велел двух мальчиков наградить батьковым и матковым счастьем, а третьего велел наградить твоим счастьем и твоим богатством.

Марко испугался, тотчас на коня и поехал искать, где шестой мальчик родился у отца и матери. Долго ездил, наконец добрался. И стал просить отца и мать:

– Продайте мне шестого мальчика. У вас их много, а у меня одна дочь, я его выращу, и повенчаем.

Те долго не соглашались. Но он дал много денег, и они согласились, подумали, что Марко Богатый, все его знают, худо ему у них не будет.

Отвез Марко мальчика далеко-далеко, за тысячу верст, и бросил голого в снег, в овраг. По-за

⁸ «Ангел» – ангел.

нему ехали другие люди. Увидели – валит паром, а в овраге лежит мальчик, играет цветочком. Они этого мальчика подобрали и приехали кормить лошадей вокурат к Богатому Марку. Они рассказали Марку о мальчике. Марко опять начал просить:

– Продайте мне мальчика, у меня одна дочь.

Они и отдали.

Они уехали. Марко взял мальчика, <...> положил мальчика в корзинку и опустил на море. А эту корзинку колыбало да колыбало, приколыбал к монастырю. Пришли монахи по воду, увидели корзинку и принесли в монастырь. Этот мальчик рос не по дням, а по часам. Стало уже ему двенадцать лет. Сдали весь монастырь на него, стал он ключником. Монастырь с тех пор стал богатеть и богатеть с каждым годом. И людей стало ходить всё больше и больше.

Поехал Богатый Марко, заехал в монастырь и спросил, почему монастырь такой богатый стал.

– С тех пор стал он богатеть, – отвечали ему люди, – как мы подобрали мальчика на море в корзинке и вылечили его. Он уже теперь большой и стал ключником.

И стал Богатый Марко убеждать ключника:

– Что тебе жить одному, молодому, со старыми монахами? Пойдём ко мне. У меня есть дочь. Я вас повенчаю.

Тот согласился. Вот Марко сам поехал дальше, а ключника послал домой с письмом к жене. Марко писал: “Кто подаст письмо, сразу наруши”.

Марко поехал вдаль, а ключник пошёл с письмом к жене Марка. И встретил ключник на дороге странника. Странник его спрашивает:

– Куда ты идёшь?

Вот он и сказал:

– Иду к Богатому Марку с письмом.

Странник говорит:

– Покажи мне это письмо.

Он посмотрел только на письмо, дунул, и письмо сразу переписалось: “Как придёт этот человек, с дочерью повенчай”.

Вот как он явился, жена его обогрела, накормила и с дочерью повенчала.

Приезжает Марко домой. Поругал жену, пошто повенчала? А жена показала письмо ему, написанное рукой Марка. Ключнику Марк не сказал ни слова.

Вот Богатый Марко и спрашивает зятя:

– Тебе охота узнать, много ли у меня богатства?

– А не плохо бы узнать, – отвечает тот.

– Сходи к Змею к людоеду, он тебе и скажет.

Положил он в котомку хлеба и пошёл. Доходит до реки и говорит перевозчику:

– Перевези меня. Я пошёл к Змею-людоеду.

Перевозчик перевёз его и говорит:

– Узнай, долго ли мне перевозить?

Идёт он дальше. Ботается⁹ на коле мотылей.¹⁰ Он и кричит:

– Молодой человек, куда ты пошёл?

А он и отвечает:

– Я пошёл к Змею-людоеду узнать про Марково богатство.

Мотылей и кричит:

– Узнай про меня, долго ли мне ботаться на коле?

Приходит он к Змею-людоеду, а его долго нет, улетел. Дома одна бабушка. Бабушка удивилась:

– Зачем вы сюда пришли? Сюда никто не ходит, – она и сказала. – Может тебя Змей съест.

А он и говорит:

– Я пришёл про Марково богатство узнать. А ещё есть на реке перевозчик, он просил узнать, долго ли ему перевозить? А ещё мотается на коле мотылей, так он просил узнать, долго ли ему мотаться?

Бабушка и говорит:

– Я посажу тебя в сундук и прикрою. А Змей прилетит, я его спрошу, ты и услышишь.

Вдруг прилетает Змей шестиглавый, главы шипят. Ботнулся на пол и говорит:

– У тебя, бабка, сегодня русский дух.

Она и говорит:

– В Руси летаешь, русского духу нахватайся, вот и пахнет. Что же, Змей-людоед, – говорит бабушка, – я видела сон, будто есть на свете Богатый Марко.

А Змей отвечает:

– Есть, есть, бабка.

– Много ли у него хозяйства?

Змей опять говорит:

– [В] ясную погоду кто на небе звезды сосчитает, тот Марково богатство узнает.

Бабка и говорит:

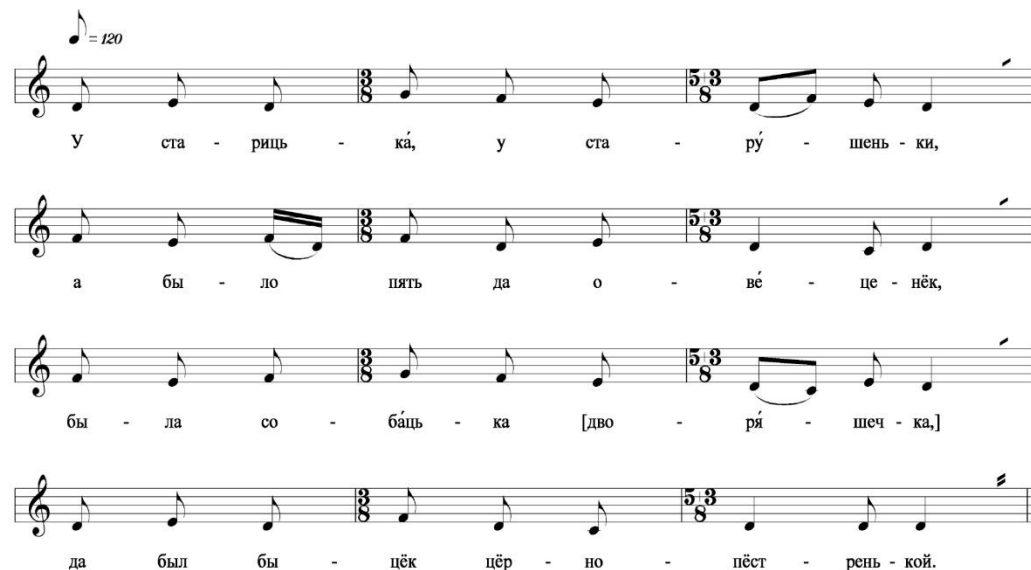
– Тут перевозчик за рекой перевозит. Тому долго ли перевозить?

– Кто к нему придёт, он скажет: “Я сегодня не могу”. Подаст весло, тот и станет перевозить.

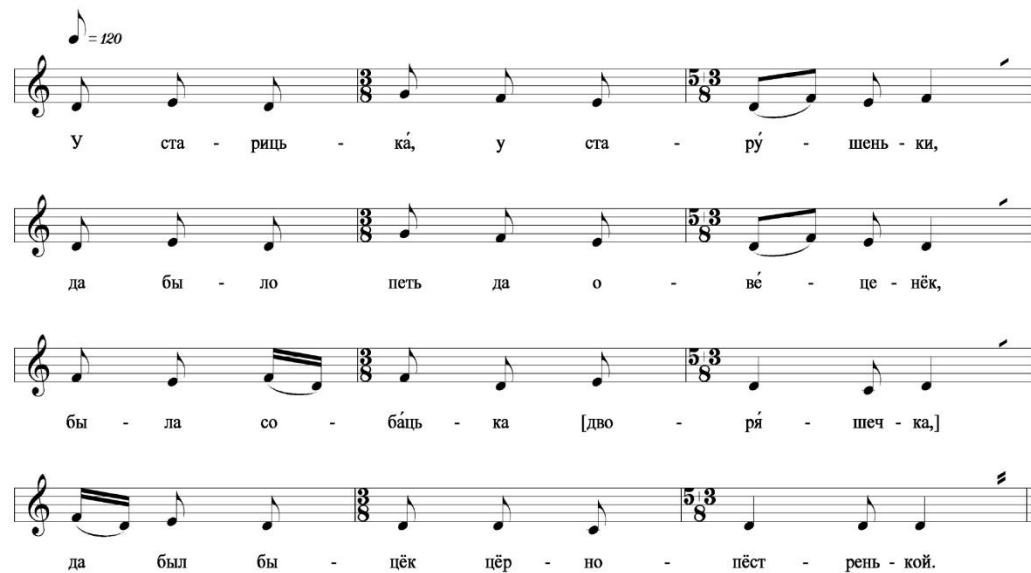
– А ещё есть мотылей. Долго ли ему ботаться?

Нотный пример к сказке № 17 (вариант 3)

Нотный пример к сказке № 17 (вариант 4)

⁹ «Ботаться – метаться, болтаться, качаться, шататься» (Даль В.И. ТС. Т. I. С. 119). То же, что «мотаться» – см. текст дальше.

¹⁰ «Мотылей – мотылёк, бабочка» (Даль В.И. ТС. Т. 2. С. 351).

– Што, старуха, станём делать-то ишшо?
– А не знаю.
– Отвори-ка, – говорит, – окошко да скажи им, што больше никово нет.

Она отворила окошко-то да кричит там через голову, а старик вот только взял ие – выпехнул.

Онё и старуху уташшили. Опять пришли, запели дёдку:

– У старицка, у старушеньки
Да было петь да овёценёк,
Была собацка-[дворяшечка]
Да был быцёк пёрно-пёстренькой.

Всё, он не знаёт, чёво делать-то. Дак он закрыл окошка и не сказале. Онё и убежали.

Вот – конёць, вся сказоцька. Котоцик да па-лоцька».

д. Лопатино, Космарёвский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Уланова Зинаида Даниловна, 1906 г. р. Зап.: Получистова О. А., Афанасьева О. В., 19.09.1987. Совместная экспедиция ЛОЛГК (СПбГК) и ВГПИ (ВГПУ). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2337-22. Расп. и нотация: Вавельская Е. А. Вопрос собирателей: «На такой мотив пели?» Исп. отвечает: «Эдак, эдак. Такой мотив и поют. Россказываешь, а как они пришли, запели ведь. Вот онё и поют под окошке-то эдак». СУС 163 «Пение волка (реже – медведя)».

Нотный пример к сказке № 17 (вариант 1)

Музыкальный пример к сказке № 17 (вариант 1). Темп: 120. Метр: 3/8. Ключ: G-clef. Тональность: G major. Деление такта: 5/8. Текст песни:

У ста - риць - ка, у ста - ру - шень - ки,
да бы - ло петь да о - ве - це - нёк,
бы - ла со - баць - ка [дво - ря - шеч - ка],
да был бы - цёк пёр - но - пёст - рень - кой.

Нотный пример к сказке № 17 (вариант 2)

Музыкальный пример к сказке № 17 (вариант 2). Темп: 120. Метр: 3/8. Ключ: G-clef. Тональность: G major. Деление такта: 5/8. Текст песни:

У ста - риць - ка, у ста - ру - шень - ки,
да бы - ло пять да о - ве - це - нёк,
бы - ла со - баць - ка [дво - ря - шеч - ка],

№ 4. «Про сынка из глины»

– А мотылей ботается, так попадётся на удального, кто колом ударит, так рассыплется золото, серебро и драгоценные камни.

Назавтра Змей улетает. Старушка его из сундука выпускает и спрашивает:

– Ну что, слышал, что Змей говорил?

– Слышал, слышал, бабушка.

Старушка его покормила, и он отправился в путь.

Подходит к мотылю. А мотылей и кричит:

– Эй, молодой человек, долго ли мне ботаться?

– Подойду, так скажу.

А сам подошёл да ударил колом, и рассыпалось серебро, золото и самоцветное каменьё. Взял он, поклат котомку золота, серебра и самоцветного каменьё.

Пошёл он к перевозчику. Первозчик опять спрашивает:

– Ну, долго ли мне перевозить?

– Перевези, так и скажу.

Первозчик перевёз его, а он и говорит:

– Змей сказал: “Кто придёт после меня, скажи, что голова болит, поддай весло, скажи, что сам иди, тот и будет перевозить”.

Пришёл он к Марку. Спрашивает Марко:

– Ну что, узнал про моё богатство?

– Сколько на небе в ясную погоду звёзд, тот звёзды сосчитает, тот Марково богатство узнает.

Как высыпал зеть серебро, золото, самоцветное каменьё, спрашивает Марко:

– Где это ты взял?

А этот и рассказывает:

– Там ботался мотылей, я ударил колом, рассыпалось серебро, золото, самоцветное каменьё.

Спрашивает Марко:

– Там ещё осталось?

– Много осталось.

Марко и говорит:

– Давай, старуха, большой мешок, и я пойду.

От пошёл, дошёл до перевозчика, а перевозчик и говорит:

– Я сегодня не могу перевозить, голова болит.

Подал весло и говорит:

– Иди сам.

Марко и теперь перевозит, а зеть и остался с его богатством и с его счастьём».

Печатается по рукописной тетради. Экспедиция ЛОЛГК (СПбГК), 1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № РФ 753. Рукопись передана местными жителями. На тетради надпись: «Сборник произведений местного народного творчества, собранных членами литературного кружка Верховской восьмилетней школы в 1965–1966 учебном году (Тарногский район)». Орфография сохранена. СУС 461–930 «Марко Богатый».

«Жили-были старичёк да старушка. Никово у них не было – детей не было. А им хотелось как-то бы вот на старос[т]ь кто-нибудь бы был у них в доме. Да ведь на старос[т]ь-ту надё и помогать. Онё из глины слепили [сынка]. Из глины слепили. Он рос да рос, и сделался большой, большой сделался.

И он решил этово старичка да старушку в печи испечь. Натопил печку жарчеё и говорит:

– Бабушка, садись-ко на лопату.

Бабушка села: одну ногу – в потолок, а другую – в-под шесток.

– Бабушка, ведь ты неправильно села-то. Надё: ужди-и-ись-ужмись, да эдак вот сдь-то на лопату-ту.

– А я, миленькой, ведь не знаю как, не знаю как. Ты сдь-ко да поучи меня.

Он сел, ужа-а-ался-ужался, она только ево пехнула в печь-ту!

Ну вот, за то, што он ие хотел изжарить, дак она ево изжарила. Вот. Вот каково онё сынка-то из глины-то слепили, непутёво! Дак так ему и надё! Ну, из глины вылеплен дак!..»

с. Нюксеница, Нюксенский р-н. Исп.: Шушкова Павла Платоновна, 1914 г. р. (род. из д. Порошин Двор, Юшковского с/с). Зап.: Федотовская О. А., 04.07.2001. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2121-01. Расп.: Балуйская С. В. В СУС прямые соответствия не зарегистрированы. Сказка развивает мотив, лежащий в основе сюжета СУС 327 С, F «Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутоношка) и ведьма»: мальчик, чудесно родившийся из деревянной куклы, попадает к ведьме, которая хочет его изжарить в печи, но обманом заставляет изжарить её дочерей, а потом запикивает в печь и саму ведьму. В нашем тексте мотив развивается инверсионно: чудесно рождённый мальчик (сын из глины) берёт на себя функции антагониста (ведьмы).

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

№ 5. «Ум и Счастье»

«Вот сказка “Ум и Счастье”:

В одном селе был старик со старухой, жил. У них было три сына. Эти сыновья были – один женатой, а другой неженатой. Ну вот, отец, понимаешь... одново вроде недолюбливал – он был, как говоритца, ленивой – этот третий сын. Звать ево Иваном. На роботу пойдут – с этим сыновьям пойдёт, а тот как бы всё отлынивает, убежит с работы. Вот отец ево не залюбил.

Подводит однажды всех сыновей к дереву, к сосне – толстая сосна – и вот и говорит. Старшево сына подводит:

– Што из этой сósны будет?
Старший сын посмотрел и говорит:
– Из этой сósны, – говорит, – папка, будет всё – косяки, рамы, всё можно сделать!
– Молодец! Будет из тебя дело!
Срёднево подводит. Тот то́же так же ответил. Тоже, значит, молодец. Ивана подводит:
– Ну, Иван, што из этой сósны будет?
– Ох, папка, – говорит, – из этой сósны бы, – говорит, – колоду выдолбить, дак тебе гроб был хоро́шой бы, – говорит. – Долго не сгниёт.

Так. Оте́ц на ево́ разозли́лся:
– Ах ты дурак! Я тебя прогнаю¹¹ за это!
Приходят домой. Своей старухе рассказы-
вают:

– Вот старший и средний сын сказали вот так, а младший Иван сказал – вот, мол, што из этой сósны будет, говорит, тебе колоду выдолбить, буд-дет тебе гроб, и долго пролежишь. Прогна́ем да-вай!

Бабке, коне́шно, было жалко. Ну всё же – о́тец настаивает прогнать. И вот ему насушили сухариков. Покатил он путём-дорожкой, пешком! (Ведь раньше не было машин, а всё пешеходом ходили).

Вот там, близко ли, далёко ли, ото́ходит от дому... Идёт однажды – в праздни́к в какой-то – мужики сидят, село большо́е, сидят под окном, и вот он подходит:

– Здра́стуйте!
– Здра́стуйте, молодой человек. Куда идёте?
– Да вот иду бы роботёшки поискать.
– А где же бы тебе, какую роботёшку?
– Да вот – чевó...
Один говорит му́жина:
– Слушайте, – говорит, – наймись у нас пас-тухом, коров пасти.
– Можно.

Ну што? Наня́лся. И вот ему дали, отвели из-бушку тут. А пита́тьца уже ему носили – у ково́ ско́ко коров есь в хозяйстве. Если три коровы – три дня пита́т тот хозяин, у ково́ две – два дня. Так да́ле он всё и пита́лся. Жил он тут восемь лет.

И вот однажды... А пас он у речки, был ста-но́чик.¹² Вот станóчки, он тут обошёл, перед ста-но́чком. Как коров надо гнать, он выходит, и уже погнал коров.

В один прекрасный день сидит у станочка, идут три молодца – на той стороне – он видит их.

Сядя́тца, покурили и легли отдыхать. Ну и при-засну́ли. Один встаёт, берёт топор, рубит такой чурак¹³ оси́новой, де́лаэт человека. Сделал чело-века и ложитце спать. Лёг спать. Пробужа́тца второй человек (ага! это был портной).

– Што же, – говорит, – шли втроём, легли втроём, а теперь стало четверо? А, – говорит, – это, – говорит, – сделал резчик человека. Но, – го-ворит, – он наг. Я, – говорит, – ему сошью кос-тюм, шляпу и одену, и мой пай будет.

И тоже сшил, надел и лёг.
Третий пробужа́тца, смотрит – што же? Шли втроём, легли втроём, а оказалось чётвёро. Ладно.

– Это, – говорит, – резчик сделал человека, портной, – говорит, – одел. А он бос! Я, – говорит, – ему сошью ботинки, и мой пай будет.

Так и сделал. Живо сколо́ну́л ботинки ему, обул и улёгсе спать. Полежали там несколько...

А этот Иван всё наблюдает, смотрит. Што такое?

Вот встают все, у их получа́етца спор. Порт-ной говорит – мой пай есь, сапожник тоже – мой пай, а резчик говорит:

– Нет, ва́шево пая нет. Я, – говорит, – во-пер-вых, сделал. А вот, – говорит, – научу сейчас хо-дить и говорить. Вы, – говорит, – не нужны.

– Ну, научи.
Он научил ходить и говорить, он стал таким же “партизаном”, как и они.

Тогда, значит, о́не опять спорить. И тому жалко отпуститьца от человека – дескать:

– Мой пай, я, портной, сшил костюм.
Сапожник:
– Я, – говорит, – ботинки ему сделал.
Ну вот. А резчик говорит:
– Это, – говорит, – не проблема. А, – говорит, – мой человек.

Ну они всё же – этот портной и сапожник – не отпуска́ются от ево́. Вот, уви́дал этот резчик и го-ворит:

– Вон, – говорит, – человек, пойдёмте, он по-сторонний, как рассудит – кому принадлежит этот человек?

Вот подходят к этому Ивану-пастуху и спра-шивают:

– Вот, скажите, пожа́луста, вы не видели вот этой штуки? – резчик говорит.

– Да, – говорит, – я видел всё у вас.

Печатается по рукописной тетради. Экспедиция ЛОЛГК (СПбГК), 1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № РФ 753. Рукопись пе-редана местными жителями. На тетради надпись: «Сборник произведений местного народного творчества, собранных членами литературного кружка Верховской восьмилетней школы в 1965–1966 уч. году (Тарногский район)». Сказка дважды записана в тетрадях № 753 и 753-б. Текст приводит-ся по тетради № 753, в подстрочнике даны разночтения по тетради № 753-б. Орфография сохранена. СУС 163 «Пение волка (реже – медведя)».

№ 17. «Волки, старик и старуха»

«Жил-был старик да старушка. У них никовó не было. А о́не держали скота – петь ове́цёк, бы-цёк черно-пёстренькой и соба́чка-копы́тцетка (Жучка-копы́тцетка).³⁷ Вот.

И волки узнали, што у ё́тих есь это всё. Вот о́не пришли к-под окошку и запи́ли:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
Да было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

Старик говорит:

– Ох, старуха, как ба́ско поют! Давай вы́ки-нем, – говорит, – одну ове́цку.

Они выкинули одну ове́цку. <...> Уташ-ши́ли, съи́ли, опять идут, поют:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
Да было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Ох, старуха-старуха! Што как ба́ско поют! Давай ишшо́ выкинем одну!

Ишшо́ одну вы́кинули. О́не опять схватили да убежали, съи́ли. Опять пришли, опять запели:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
А было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Ой, старуха-старуха! Да штё мы станём де-лать-то? Давай вы́кинем о́пять!

И вот о́пять вы́кинули третью уж. Ла́нно. Они схватили да уташши́ли да съи́ли, да опять идут. Опять запели:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
А было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Ой, старуха-старуха! Да куда они будут ходить-то? Надо им выкидывать ишшо́! Пусть на-едятца досы́та.

О́пять вы́кинули четвё́ртую. Они уташши́ли и съи́ли, опять идут, опять поют:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
Да было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Ой, старуха! Чевó – давай ишшо́!
Последнюю вы́кинули, пятую ове́цку.
[О́пять идут, опять поют:³⁸

– У стари́цкá, у стару́шеньки
Да было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да] был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Ну што, старуха, ста́нём делать-то?
О-о-ой, соба́чку вы́кинули. О́не и соба́чку уташши́ли, там где-то розорва́ли и съи́ли. О́пять идут, поют:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
Да было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

– Што, старуха, ста́нём делать-то? Приде́тца и бы́ка выкидывать.

Вы́кинули и бы́ка. О́не опять всё съи́ли. О́пять идут, поют:

– У стари́цкá, у стару́шеньки
А было петь да ове́ценёк,
Была соба́чка-[дворя́шечка]
Да был бы́цёк це́рно-пёстренькой.

³⁷ На фонограмме «собачка-копы́тцетка». По-видимому, здесь оп́ибка. Вероятно, должно быть: «собачка-дворя́шечка» (см. вар. этой же сказки, № 19 настоящего изд.), а «лошадка-копы́тцетка» (но этого фрагмента в данном варианте нет). Да-лее в тексте произведена замена: везде вместо слов «собачка-копы́тцетка» вставлено в квадратных скобках – «собачка-дворя́шечка».

³⁸ Взятые в квадратные скобки строки восстановлены (брак звукозаписи).

¹¹ «Прогна́ю» – прогоню.

¹² «Станóчик» – «станок – сооружение в виде навеса на пастбище, укрывающее пастуха от непогоды» (СВГ. С. 120).

¹³ «Чурак» – «короткий обрубок бревна» (Даль В. И. ТС. Т. 4. С. 615).

А он и говорит:
– Я не маленький ребёнок и босой похожу.³⁰
И отдал волку овечку. Волк съел овечку, пришёл к окошку и запел:

– Красён-красён дворец.
В этом дворце парнёк да бабушка,
Да девушка,
Кобылка чалая,
Коровка старая,
Свинейка пёстрая.

– Бабушка, я отдам свинейку.
А она и говорит:
– Что ты, шальной дурак, свинейку нарежем, суп варить будем и сморчки будут.
А он и говорит:
– Я не маленький ребёнок и без супу проживу.
И отдал волку свинейку пёструю. Волк съел свинейку, пришёл под окно и запел:

– Красён-красён дворец.
В этом дворце парнёк да бабушка,
Да девушка,
Кобылка чалая,
Коровка старая.

Красиво волк поёт, мальчик и говорит:
– Бабушка, я отдам коровку.
А она и говорит:
– Что ты, шальной дурак, не отдавай коровку, не будет молока.³¹

А он и говорит:
– Если не отдашь, дак я тебя отдам.
И пришлось бабушке расстаться с коровкой. Мальчик отдал коровку, волк ест коровку и говорит: “Мяв, мяв”. А парнеку кажется, что волк говорит “мал, мал”. Вот он бабушке и сказал, что волк говорит “мал, мал”.³² Волк съел коровку, пришёл под окошко и запел:

– Красён-красён дворец.
В этом дворце парнёк да бабушка,
Да девушка,
Кобылка чалая.

Парнёк говорит:
– Бабушка, я отдам кобылку.
А она говорит:
– Что ты, шальной дурак, на чём будем дрова возить?³³
А он говорит:
– Всё равно отдам кобылку, больно баско волк поёт. Я не маленький ребёнок и не топлёный посижу.
И отдал кобылку волку. Волк съел, пришёл под окошко и опять запел:

– Красён-красён дворец.
В этом дворце парнёк да бабушка,
Да девушка.

Парнёк говорит:
– Бабушка, я отдам девушку волку, больно баско поёт.
А она говорит:
– Не отдавай, кто тебе сошьёт рубашку?
А он говорит:
– Всё равно отдам, больно баско волк поёт. Взял девушку, свёл на крылечко, спихнул волку и ушёл.
Бабушка испугалась, забралась на печь и боится, что и её отдаст. Волк съел девушку, пришёл под окошко и запел:

– Красён-красён дворец.
В этом дворце парнёк да бабушка.

Парнёк и говорит бабушке:
– Бабушка, я и тебя отдам.
А она говорит:
– А как ты будешь один жить, кто тебе хлеб испечёт?³⁴
А он и говорит:
– Я не маленький ребёнок и муки назовлюсь.³⁵

Захватил бабушку за руку, стащил с печи, бабушка упиралась, за воронец держалась. А он вытолкал её на крыльцо и спихнул волку. Сел на окошко и заплакал.³⁶ Волк разбил окно, схватил парнека и съел».

³⁰ Я не маленький ребёнок и без катаников прохожу.
³¹ Не отдавай коровку, как без коровки жить и молока не будет?
³² Он бабушке сказал: «Гляди-ко, бабушка, ему ещё и мало».

³³ Что ты, дурачок, как мы без лошади будем жить, надо дровца, на ком привезём?

³⁴ Кто тебе хлеб испечёт, как бабушки не будет?

³⁵ Вероятно, от «наздоблять, наздобить» — изготовлять по хозяйству» (Даль В. И. ТС. Т. 2. С. 415). Здесь, по контексту, в значении — «обойдусь без хлеба, муки поем».

³⁶ Сел на окошко и заплакал: скучно одному.

– Скажите, пожа́луста, – говорит, – кому принадлежит этот человек?

Иван подумал, подумал, ну всё же он был, конечно, не так развит, но всё же подумал, сказал:

– А вот, – говорит, – кто сделал и научил ходить, говорить.

Значит, человек стал резчика.

Ну, они пошли. Иван подумывает тут...

И потом, через несколько время, идёт опять два человека, понимаешь ли, под названием Ум и Сча́сье. И тоже спорят. Вот, мол:

– Я... – Ум говорит, – я, мол, с умом любой человек будет хорошо жить. И направлен он, и будет хорошо работать, и так далее...

А Сча́сье говорит:

– Нет, – говорит, – без меня он пропадёт с своим умом.

– А вот, – говорит, – человек – пастух, – Ум говорит.

– Ну, пастух, – Сча́сье говорит.

– А вот, – говорит, – я сделаю ему – ум вложу, – говорит, – он будет... Седни же он не будет пастуха, откажетца от коров, а будет человек.

– Ну, давай, сделай, – говорит. – А всё равно без меня пропадёт.

– Ничего-о-о, не пропадёт, – Ум говорит.

– Ну, давай.

Вложил он ум. И вот у Ивана у нас заходило в голову, знать верно – умное, хорошее. Он тогда... што же? Ему уже надо бы коров ещё б попусти, а он уже – нет, погоню! Загнал коров всех своих. Ещё полдни, пожалуй, нет, а он уже турит коров. Там старухи идут, бабы:

– Што, што ты, Иван, што случилось? – как он гонит рано коров, спрашивают ево. – Што же, Иванушка, ты, понимаешь, гонишь седни рано коров?

– Дальше пасти не буду!

Ну ладно. Што ж? Приходят мужики с работы вечером, вот значит – собрание мужиков. Спрашивают:

– Почему же там, – мужики ево [спрашивают], – ты не пасёшь?! Паси, и мы тебе прибавим цены и так далее...

– Не надо мне ништо, а больше не буду пасти.

– Ну а куда же ты?

– А это, – говорит, – дело моё. Я знаю куда.

Ну што? Силом не могут держать.

– Ну сколько тебе за восемь лет, Иванушко?

– А за восемь лет, – говорит, – мне дайте четвёртой билет и больше, – говорит, – не надо.

– Да бери больше!

– Нет, не надо. Мне де́нег хватит.

– Ладно.

Ему, конечно, и продукции немножко дали – яичек – на дорожку, ну вот, он покати́лся. Двадцать пять рублей де́нег – старинных, конечно.

Вот, идёт. Доходит до одно́во городка. Городок. Идёт городом, смотрит на вывеску: “Часовых дел мастер” – тут, значит, часовая мастерская. Ну што? Давай, пойду я работать или ремонтировать. Приходит в мастерскую, тут двадцать пять человек, конечно, мастеров. Спрашивает хозяина:

– Кто хозяин? (А хозяин был, конечно, их содержал – наёмные мастера были).

– Хозяин, – говорят, – вот в таком-то кабинете.

Вот он приходит к хозяину:

– Здра́стуйте!

– Здра́стуй. В чём дело? – спрашивает хозяин.

– Да вот, – говорит, – роботёшки, – говорит, – у вас нет ли?

– Да какую ты можешь выполнять?

– Да вот, – говорит, – любую, какую дашь.

– Часы можешь ремонтировать?

– Могу, новые делаю, всё што могу.

– А делал?

– Да нет, не делал, а сделаю.

– Почему? Это как?

– Да вот, – говорит, – пожа́луста, испытайте, сделаю.

– Ну, давай.

Хозяин, конечно, ево взял. Назавтре ему столик дал, стульчик, табуреточку дал:

– Садитесь вот.

– Нет, я, – говорит, – с этими мастерами не буду, мне дай отдельную комнату.

– У, – говорит, – какой уж ты...

– А вот, – говорит, – я какой. Дай мне отдельную.

Ну, там была комнатка. Дал ему ключ, материалу дал. Ну, по-первости, дак худо́во материалу даёт. Чугунные часы он наворачнул. Через несколько – час ли два прошло – готово, стучит хозяину. Хозяин бежит, погледел:

– Дак што – готово?

– Готово.

Он погледел – ход хоро́шой. Ну, понял, это будет дело. Ну ладно, што ж?

– Молоде́ц, Иван!

Ну, надобны материалы. Тапе́рь уж – повезло, материал даёт. И этот Иван стал работать, несколько время отработал и стал оправдывать один. А эти двадцать пять человек – уже они не зарабатывают супро́тив ево одно́во. Так. Хозяин

евó залюбил. Чуть речь што – идёт к Ивану. Иван, значит, у нас зажил хорошо.

Вот Ум с Счасьем и сошлись.

– Вот видишь, как живёт-то? Видишь, хозяин говорит – двадцать пять человек не имеют никакóво значения, говорит он, перед им. А вот говорит про Ивана вот так...

Ну, Счасье и говорит:

– Ладно, попадёт, – говорит.

– Да ничево, не попадёт.

– А попадёт...

Ну и, значит, он робóтал всё подходяще. Потом из иностранных государств приезжаёт принц, приехал в этот город. Занимаёт номер – вот в столовой или в ресторане. Ну, заведующий рестораном, конёшно, ему дал номер хорошой. И вот он у заведующего в ресторане спрашивает:

– Слушайте, – говорит, – вот у вас есть, – говорит, – мастера часовые или мастерские?

– Есть, – говорит.

– А нельзя, – говорит, – стрéбовать сюды – вот говорит, – мастера? Главново мастера?

– Можно.

– Ну, позовите, – говорит, – ево́.

Принц приказал, позвал э́това мастера – хозяина, у котóрова Иван робóтает. Вот, хозяин пришёл.

– Здра́стуйте.

– Здра́стуйте. Вы, – говорит, – мастер часовой?

– Я, – говорит, – конёшно, я не мастер, но могу робóтать... Но у меня подмастерья есь, – говорит, – я содержу, – говорит.

– Вот – говорит, – мои часы. Можете вы починить? Но, – говорит, – если не можете, не трогайте!

Он посмотрел – не только починить, дак он не знает тут частей-то у их... Посмотрел-посмотрел:

– Мне, конёшно, – говорит, – не починить, а вот есь у меня один, – говорит, – мастер, тот, может, починит. Можно сносить их показать ему?

– Пожа́луста, – говорит, – сноси. Но если не починить, в них ничево не трогайте.

Ладно. Он, значит, приносит часы. А он уже к этим мастерам не обраща́етца, бежит сразу к этому Ивану.

– Вот, Иван, – говорит, – часы, вот такой-то принц тако́во государства приехал, изломались в дороге часы. Ты можешь или нет починить их? Но только, – говорит, – если не можешь, дак не

трогай. Он не велел трогать. А то, – говорит, – нас казнят.

Ладно. Иван погледёл, начал роски́дывать. <...>

– Што ты, што ты?! Изломаешь тут!

Он ево́ – “выходи отсюда!” – вытолкнул из комнаты, на ключ! Роски́дывал часы, отремонтировал и через несколько время стучит. Хозяин приходит.

– Вот, пожа́луста, – говорит, – часы готовы.

Послушал хозяин:

– Ах, Иван! Молоде́ць!

Ну, чево́ там говорить...

– Вот поди, – говорит [Иван], – понеси ему – принцу.

Хозяин говорит:

– Нет, Иван, я, – говорит, – опрошу́сь.¹⁴ А ты сам пойдй, – говорит.

– А сколько просить?

– А я не знаю, – хозяин говорит. – Ты делал, ты и знаешь.

– Ну ладно, давай.

Иван шляпу, пальто надева́т и кати́т к принцу. Заходит там – по адресу, уж знает, где находитца. Здорóваетца, значит, и подаёт часы.

– Вот ваши часы починил.

– Починил? А кто починил? Вы починили?

– Да, я.

Погледёл, понравилось.

– Ну, – говорит, – как тебя звать?

– Меня звать Иваном.

Так.

– Ну, сколько тебе за робóту? За робóту, – говорит, – бери, сколько тебе на́ды, но только не опроси́сь. Если опроси́шься, значит, уже не прибавлю. А сколько тре́буетца.

Он думал, думал, Иван:

– А ты́щчу рублей!

А раньше всё было золотом! Ты́щча!

– Вот, – говорит, – Иван, ты опроси́лся. Я, – говорит, – тебе бы две ты́щчи дал. А раз выпросил ты́щчу, больше тебе не дам. Вот тебе.

Ты́щчу отсчитал, Иван в шляпу огрёб золото и – домой. Приходит, сразу в свою комнату. Хозяин бежит:

– Ну как?

– Да вот, – говорит, – хозяин, на вот тебе – де́нэг!

– Ой, Боже мой! – с ума чуть не сходит. – Как ты сумел выпросить столько?

– Куды, старик, пошёл?

– Пошёл причётальницу наживать.

Она ему пропричитала:

– Старушка была хорошая,
Кормила старичка беззубого
Шанежками и блинками.

Причётальница старику понравилась. Он её привёл к старушке.

Он в баню сволок старушку и впустил туда лисичу. Она там её оглодала и говорит:

– Я её обмыла.

Он отворил дверь, а она выскочила – да в лес. Остался старичок не при чём».

Печатается по рукописной тетради. Экспедиция ЛОЛГК (СПбГК), 1974. Архив ФЭЦ СПбГК, № РФ 753-в. Рукопись передана местными жителями. На тетради надпись: «Местный фольклор». Комм. после текста сказки: Записано со слов Поповой Капитолины Афанасьевны, 82 лет, прож. в д. Калугинской, Верховского с/с, [Тарногского р-на]. Орфография сохранена. СУС 1960 G «Горох до неба», СУС 37 «Лиса нянька (плачеч)».

КУМУЛЯТИВНЫЕ СКАЗКИ

№ 16. «Красён-красён дворец»

«Красён-красён дворец.

В этом дворце парнёк да бабушка,

Да девушка,

Кобылка чалая,

Коровка старая,

Свинейка пёстрая,

Овечка бесхвостая,

Кутюшка-поверушечка,²⁵

Кошечка-судомочка.

Пришёл под окошко к ним волк²⁶ со страшными зубами и запел:

– Красён-красён дворец.

В этом дворце парнёк да бабушка,

Да девушка,

Кобылка чалая,

Коровка старая,

Свинейка пёстрая,

Овечка бесхвостая,

Кутюшка-поверушечка,
Кошечка-судомочка.

Понравилась парнеку песня волка и говорит он бабушке:

– Бабушка, я отдам кошечку-судомочку.

А бабушка не отдаёт, баёт:

– Не отдавай, парнёк, кто будет мышек ловить?²⁷

А он и говорит:

– Я не маленький робёнок и с мышками поживу.

Он взял кошечку и отдал волку. Волк съел кошечку, пришёл под окошко и опять запел:

– Красён-красён дворец.

В этом дворце парнёк да бабушка,

Да девушка,

Кобылка чалая,

Коровка старая,

Свинейка пёстрая,

Овечка бесхвостая,

Кутюшка-поверушечка.

Парнёк говорит бабушке:

– Бабушка, я отдам кутюшку-поверушечку.

А бабушка говорит:

– Не отдавай кутюшку, кто тебе будет яички носить?²⁸

А он и говорит:

– Я не маленький робёнок и без яичек поживу.

И отдал кутюшку-поверушечку. Волк съел кутюшку, пришёл под окошко и запел:

– Красён-красён дворец.

В этом дворце парнёк да бабушка,

Да девушка,

Кобылка чалая,

Коровка старая,

Свинейка пёстрая,

Овечка бесхвостая.

Парнёк и говорит бабушке:

– Бабушка, я отдам овечку.

А бабушка и говорит:

– Не отдавай, шальной дурак, из чего суп будем варить, из чего тебе катаньки скатаем?²⁹

¹⁴ «Опрошусь» – в значении «запрошу низкую цену, продешевлю».

²⁵ Здесь и далее даются варианты записи сказки. В данном случае: «Кутюшка-повирушечка».

²⁶ Здесь и далее «вовк».

²⁷ Не отдавай, парнёк, мышей будет ловить некому.

²⁸ Не отдавай, некому будет яичек носить.

²⁹ ... да из чего тебе валенки скатаем?

№ 14. «Петух и лиса»

«Ну вот, взрослые пойдут на работу, оставят петушка дома и накажут: “Петушок, петушок, в окошко не выглядывай и дверей не отпирай!”

Ну вот, онё уйдут. А лиса это дело узнала, розноухала, што там, што там ес[т]ь петушок. Подбежит к окошку:

– Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Выглени в окошко,
Дам тебе горошку.
Ехали бояре
Да рассыпали горюшок.
Я тебе горошку дам.

Ну, а петушку-ту нравитца песня-то, да и горох-от ведь тоже ему, горошинок-от петушку-ту – неплохо. Как высунёт головушку-ту в окошко-то, лиса ево – цап! – и потащи́ла. И потащи́ла.

Ну, он как-то там, каким-то путём ото́бьётцё от лисы или кто-то ево, мо́жет быть, отнимёт. Принесут домой, на второй день опять наказываю́т: “Севóдне смотри, нековó не пускай! В окошко не выглядывай и дверей не отпирай!”

Нотный пример к сказке № 14:

Пе - ту - - шок, пе - ту - шок,

зо - ло - той гре - бе - шок.

№ 15. «Лиса-причёталница»

«Жили старичок и старушка. Остарили больно, и нечего у них стало ись. Старушка-то заплакала. Старик и говорит:

– Пойдём на избушку, насем репку.

Вот и собрались, пошли. Насияли и каждый день смотрели, велика ли выросла репка. Старик сходил посмотрел:

– Старуха, уж можно рвать.

Как только ушли, лисонька опять тут как тут:

– Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Выглени в окошко.
Ехали бояре
Да рассыпали пшеницу.

Ой, а пшеницы-то как петушку-ту охота! Ну вот, он, значит, опять высунёт головушку. Он опять [высунёт], ево лисонька – цап! – и потащи́ла.

Хозяева пришли, петушка нет. Пошли искать, пёрышки только нашли (лисонька-та ево распотрошила). Пёрышки нашли, принесли домой, плакали, плакали, плакали. Ну што сделаешь, што сделаешь, чевó?! И стали жить да поживать да добра наживать.

Коточик да палочка – дак вся и сказочка!».

с. Нюксеница. Исп.: Шушкова Павла Платоновна, 1914 г. р. (род. из д. Порошин Двор, Юшковского с/с). Зап.: Федотовская О. А., 06.07.2001. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2121-11. Расп.: Балугевская С. В. Комм.: «Коточик – вот подсовывают под лыко. Тула ведь не пропехнуть, дак эдак вот подсунут да поднимут дак...» СУС 61 В «Кот, петух и лиса».

А ползи она не замогла. Он посадил её в мешок и понёс туды. Старуха сосмеялась, мешок-от лопнул, старушка упала, зашиблась. Старичок заплакал. Пошёл причёталницу наживать: надо отпекать старушку. Встритил зайчика.

– Куды, – говорит, – старик, пошёл?

– Пошёл причёталницу наживать.

Зайчик попричитал, но старику не понравилась. Опять он пошёл дальше. Встритил лисичу. Та спросила:

– Ну, выпросить... Да я ещё опросился, – говорит, – хозяин.

– Да как опросился?

– А так. Он говорил, што вот – не опросись. Я думал, думал, тыщчу взял, а он говорит – я две тебе бы дал. А раз опросился – предупредил.

Ну што ж? Теперь дело пошло как... Хозяин зажалёл эту тыщчу рублей. Думает, думает, день и ночь не спит. На третьи сутки взял да удавился. На чердак ночью залез, там и задавился. Ну што ж? Как делу быть? Там уже ищут ево, ищут, не могут найти.

А эти подмастерья, все эти мастера – двадцать пять человек – на Ивана сердились и договорились: “Давайте, ребята, мы ево упекем. Хозяина, значит, скажем, што он удавил или как-нибудь – на ево, в общем...”

Ево на третьи сутки нашли – этово хозяина – на чердаке удавился. И на ево эти все двадцать пять человек говорят: вот этот человек удавил, и всё. Он должен, вишь, встать... задумал на ево место – хозяином, вот он и удавил. Ну што ж? Вера двадцати пяти человекам стала больше, чем ему одному. Ево взяли, в каменный мешок посадили, готово. Наш Иван посёживает.

Сидит месяц, два, уже дело доходит к году. А эти, значит, ну, живут, тут работают, всё, и хозяйское добро – завладели. И живут.

У этово принца, значит, опять же часы сломались. И он дома, значит, поремонтировать – поискал, поискал – никово. “А поеду-ко я, – говорит, – вот к тому Ивану, он мне ведь сделает часы”. Он надумал, поехал. Приехал, приезжает в эту гостиницу к этому же опять директору столовой. Спрашивает:

– Где вот такой-то, который мне ремонтировал прошлый год часы?

– Э, – говорит, – он далёко.

– Да где он?

– Да он, – говорит, – вот в каменном мешке сидит через ваши часы, – говорит.

– Да как через наши?

– Да вот вы сказали – “проси, не опросись”. А он принёс хозяину деньги – даёт тыщчу рублей. А ты сказал, што две можно было бы дать – “я бы дал две”. Хозяин задумал об этой тыщче да удавился. А двадцать пять человек на ево стали говорить, ну вот – ево посадили.

– Так он жив?

– Жив, а што?

Жив. Как же достать? Тогда принц этово государства просит о том, што “выпустите мне таково-то”. Ну вот уж, конёшно – принц принцу

глаз не колет, а идут на уступки. Ну, выпустили и вот ево приводят к этому принцу. Тот спрашивает:

– Как, – говорит, – Иванушко, можешь починить часы? Не забыл?

– Нет, – говорит, – не забыл. Всё, – говорит, – сделаю.

– А за што ты попал?

– Да вот за што – за ваши часы, за ваши деньги.

– Ну ладно. Слушай, раз так – говорит, – тебе здесь везёт, дак пойдём со мной, – говорит, – я тебя к себе заберу. Поедешь?

– Поеду.

– Ну давай, поедём. <...>

Попоил, покормил, купили костюм, всё, нарядили и поехали. Ну, конёшно, приезжают в это государство, к этому принцу. Вот в первую очередь он ему:

– Вот, Иванушко, ты мне отремонтируй часы, и потом ты отдыхай, гуляй, што тебе нужно. Кушай, чевó ты хочешь. Вот тебе слуги, тебе всё принесут, вот тебе сад – тут гуляй, ничевó не делай.

Ну што? Ладно. Часы он отремонтировал. А этот принц был неженатой. Ему надо было бы жениться. Ну у нево переписка была, из иностранных государств были снимки этих невестов, там, королевн. Он однажды собираетца в командировку на месяц или на два и наказывает Ивану:

– Вот, Иван, – говорит, – оставайся. Я, – говорит, – поеду в такое-то государство, а ты оставайся. Чевó надо тебе, всё ты, пожалуста, бери, не бойся и што нужно, тебе всё предоставят. Только прошу, – говорит, – у меня там стол письменный, есть в столе три пакета, ты, – говорит, – этих пакетов не трогай. Ну, – говорит, – под красной, под чёрной [печатами] можешь взять, но под белой ни в коем случае не смотри.

– А мне – говорит, – не только... мне нечево будет тут – я не буду смотреть ни в которой пакет. Это мне дела мало.

Ну ладно, уезжает. Вот он живёт неделю, живёт две, Иван, гуляет. Погуляет тут, попьёт, поест, выпьет. Што вот, думает, жисть хорошая...

Ну, што ж? Он однажды и думает, Иван:

– Эх, – говорит, – што же он мне, принц, не велел смотреть пакетов? Дай посмотрю. Он под чёрной, под красной велел посмотреть, а под белой не велел, я под белой не стану.

Вот он распечатывает под чёрной, а тут снимок – из таково -то государства такая-то королева – невеста.

– А, – Иван понял, – это он невест выбира́т! Ах, хороша, – говорит, – невеста-то. Вот так бы и поженился! – Иван-от.

Ладно, давай ещё под красной – распеча́тал. Распечата́л, тут ещё красивее.

– Ох, под белой-то не велел ведь мне-ка! Да давай распечатаю!

Вот как он распечата́л, чуть со стула не упал-то, бедняга, от красоты от этой! Но только эта красавица, у её за́вет – тут на этой же фото и написано: “Кто слова добы́тца от этой королевы, значит, тово́ буду я жена. А кто не добы́тца – голова долой”. Тако́во-то государства, тут всё сказано. Вот Иван у нас и задумал – Ум заработал опять у Ивана:

– Вот, мол, я направлю.

А Сча́сьё, значит, говорит:

– Да ладно, может опять попасть.

– Нет, не попаде́т сейчас. Уже сейчас буду, знаешь, выше и выше, ниче́во не будет.

Ну ладно. Вот приезжает пры́нц.

– Ну, здорово, Иванушко. Как пожива́ешь?

– Ниче́во, – говорит, – хорошо. Только я на́пакось¹⁵ у вас наделал.

– А че́во же ты наделал?

– Да вот, – говорит, – вы не велели распечатывать под белой печатью, а я, – говорит, – все три “распатро́нил”.

– О-о-о, так это ниче́во, Иван, мне, – говорит, – не жалко. Но только я знаю твой ка́рактер, ты вот задумал што, я уж знаю, ты што задумал.

– Да, – говорит, – правильно. А вот я, – говорит, – задумал ехать туда, высва́тывать эту невесту.

– Эх, – говорит, – смотри! Я ведь то́жо ищчу́ невесту-ту. Да вот я, – говорит, – боюсь, там много голов уж полегло ведь – через эту невесту. И ты, – говорит...

– А, – говорит, – однако, я поеду.

Ну што ж? Не мог держать, не сдержал ево́. Открыл ему ящичик:

– Вот, раз хочешь, пожа́луста, бери сумку золота и поезжай.

Набрал и поехал наш Иван. Приезжает до э́това государства. Ну, по окраине городка тут приходит к одной старушке, ночевать попросилсе. Старушка пустила. Он подаёт ей де́нэг сколько нужно:

– Вот, бабушка, сходи в магази́н, купи то-то, то-то, то-то, всево́!

Ну, бабка не видала сто́ко де́нэг, а тут – што за человек? Убежала, тут винца принесла, всево́, на закусочку. Ну што ж? Спра́шивает... самоварчик налили, во время чайку́ спра́шивает бабка:

– Ну, вы куда же, молодой человек?

– Да вот я в ваше государство приехал. Вот у вас есь королева, дак сва́татыце пришёл.

– Ой, дитятко, тут ведь много погибло из-за её, я не советую, не ходи, Иван!

– Нет уж, – говорит, – пойду!

Ну, чо́ули. Он назавтре приходит к королю к этому. Ну, добился до короля. Король, коне́шно, ево́ спросил, предупредил, мол:

– Я могу отдать дочь за вас, но только смотри, вот такой-то за́вет: если ты слова не добы́тца от неё, значит, тебе, Иван, смотри – вон го́ловы повешаны.

– Да, знаю, – говорит, – согласен.

– Ну, согласен, завтра приходите.

Ну он, значит, к за́втрему пошёл... Приходит опять к этой старушке, старушка обраде́ла:

– Ой, Иванушко, живой пришёл!

– Да, живой. Завтра пойду уже окончательно буду делать.

Ну, старушка, значит, всё-таки ево́ не пу́щает. Иван:

– Не буду, – говорит, – уже останавлива́тца перед этим, а всё равно пойду.

Ночу́ли. По́пили, по́или. Иван встаёт, денежки все свои выва́ливает этой старушке – полсумки золотом. Бабка, понимаешь, огреба́ет де́ньги:

– Ну ладно, хорошо, мне до смерти, – говорит, – хватит. <...>

Приходит [Иван] к государю. Государь опять же:

– Ну, можете... – говорит, вот выделяет двух жандармов, – вот человек, можете свести к моей дочери. Добы́тца или нет слова?

Они уже знают, почему. Из дверей в двери, из ворот в ворота, отпирают (всё на замках). Как открыли последнюю дверь, Иван – вперёд. Он погледёл и чуть назад не упал от красоты от этой королевы! И вот Иван в первую очередь:

– Здра́стуйте, госпожа королева!

Она – ни слова. А ему, Ивану, лишь только слова бы вот добы́тца, значит, это уже невеста. Он знает за́вет. Вот опять начинает Иван, продолжать:

– Вот, – говорит, – госпожа королева. Я, – говорит, – послан от четырёх человек за разреше́ни-

Ходи́у – искал, искал, искал. А о́не догово́рились, што не кашлять и не перди́ть. Вот. А старик не утерпел да и взял да перднул. “Тьфу, будь ты прокля́т!” А медвиль и нашёл. Сразу увидел:

– А-а-а, дак ты мне и отсе́к ногу-ту?!

Взял да э́тово съел – старика.

– Ещё старуха где-то есь...

Опе́ть старуху ходит – ищёт, ищёт, ищёт. А старуха как кашляла, кашляла! Господи! Не могла никак утерпеть и всё-таки ска́шляла! <...> Медвиль опе́ть уви́деу, учу́ да уви́деу. Старуху вытащи́у:

– А-а-а, дак ты мою шёрстку предёшь?! Сеча́с я тебя съем.

– О-о-ой, што ты, Мишенька, не е-е-ешь, оста-а-ав... Остав меня, Мишенька!

– Вишь, какое тут – оставлю ли? Вы, – говорит, – меня без ноги сделали. Теперь как хошь ходи!

И старуху съел!

Коточик да па́лочка, вся и сказочка.

г. Вологда. Исп.: Мальцева Анна Александровна, 1911 г. р. (род. из д. Сергиевской, Раменского с/с, Тарногского р-на. Зап.: Шалапов А. В., 1989 г. Архив ФЭЦ СПБГК (копия), № ОАФ 3282-50. Расп.: Валевская Е. А. СС 161 А* «Медведь на липовой ноге».

№ 12. «Медведь на липовой ноге»

«...Все́ рассказыва́ешь. Или зарева́т там, за́тшатце [дети], дак вот и стра́шашь: “Во́на скрипи́на-то иде́т!” – “А где, бабушка, скрипи́на-та?” – “А в ли́се-то”. – “А че́во скрипи́на-та ба́е́т?” А вот:

– Скрипи́и-и-и, нога липовая,

Скрипи́и-и, нога бе́рёзовая.

По весе́-о-олам спят,

По дере́вням спят,

Одна баба не спит,

Мою шёрстку предё́т,

Моё мяско ва́рит.

– Я, – говорит, – к ей приду, съем.

Вот. Он, говорю, приде́т ко дверя́м, прислука́етце²⁴ [произносит «страшным» голосом]:

– Отда-а-ай, старик, старуху! Отда-а-ай, старик, старуху!

Дак они и затихнут, робети́шка-ти».

д. Бор, Городищенский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Драчёва Федосья Михайловна, 1910 г. р. Зап.: Дорджиева Г. А., Демидова Ю. В., 18.09.1987. Совместная экспедиция ЛОЛГК (СПБГК) и ВГПИ (ВГПУ). Архив ФЭЦ СПБГК, № ОАФ 2329-04. Расп.: Валевская Е. А. Комм.: «Это с робети́шкам, ко́гда увлека́лись. С робети́шкам забавля́лись, дак это на шу́тки-ти... У меня вот внуки-ти есь дак: “Бабушка, ты расскажи́ нам че́во старо́во-то, расскажи́!” Дак я расскажу. На́дка всё больше внима́ние-то обра́щат на эти на старо́е-то приска́зуйки». СС 161 А* «Медведь на липовой ноге». Текст представляет собой интересный пример функционирования сказки в народной культуре. Здесь сказка становится «страшилкой» для детей; цель её – регуляция поведения детей.

№ 13. «Петух и лиса»

«Лиса, в о́бшом, пришла... А петух бы́у, сиде́у в избушке. Пришла лиса да и говорит:

– Петушок, петушок,
Золотой ты гребешок,
Масляная головушка,
Ше́йковая бородушка.
Вы́глени в око́шечко,
Погле́ди мно́гошечко:
Лисе́ноньки ката́ютце
На пи́санных на са́ночках
С горы да на гору,
С горы да на гору!

Вот он вы́глянул, петушок-от. Вот она ево́ поймала да и понесла.

А и што поше́у этот, [хозяи́н], в о́бшом, нака́зау, што [говори́т]: “Ты здисе-ка, петушок, не выгля́дайва, в о́бшом, за окошко, а то тебя лиса унесёт”. А он не послуша́у... Он ведь потом, как понесла [ли́са], дак и кричит:

– Понесла меня лиса
За те́мные леса, <...>
На высокие горы,
За дрему́щие леса
Понесла меня лиса!

Вот и услышали. Хозяи́н-от прибежа́у да о́тняу э́тово петуха от лисы-то. А потом опять посади́у ево́ в эту, в избушку, да и говорит: “Ты смотри, больше не выгля́дайва – опять тебя лиса унесёт!”».

д. Пустыня, Брусенский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Галицкая Клавдия Павловна, 1915 г. р. (род. из д. Хохлово). Зап.: Получистова О. А., 26.01.1988. Экспедиция ВГПИ (ВГПУ). Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 455-24. Расп.: Балуевская С. В. СС 61 В «Кот, петух и лиса».

¹⁵ «На́пакось» – пакость.

²⁴ «Прислу́каетце» – по-видимому, «прислушивается».

– Ничего-о-о! Я сейчас вот топором ево зарублю-у-у.

Вот, значит... И этот дедушко сошёл, а медведь всё – у окна:

– Курлы, мурлы!
 Вся деревня спит,
 Все хозяева спят,
 Но одна старушка не спит,
 Мою шерсть предёт,
 На мой коже сидит
 И мясо варит!

Ну вот. Этот медведь подскочил к окну и застучал. Застучал в окно и опять же – запел эту песню. Старушка испугалась, из избы выскочила, а старик этим временем схватил топор, раму открыл и ево убил.

Вот – вся сказочка. [Смеётся]. Вот этим ребятишкам я рассказывала. И вы ребятишкам рассказываете».

д. Лопатино, Космарёвский с/с, Ньюсенский р-н. Исп.: Ложкова Наталья Фёдоровна, 1914 г. р. Зап.: Получистова О. А., Афанасьева О. В., 19.09.1987. Совместная экспедиция ЛЮЛГК (СПбГК) и ВГПИ (ВГПУ). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2337-21. Расп.: Вавельская Е. А. По комментариям Н. Ф. Ложковой, она рассказывала сказку детям, школьникам. Возможно, с этим связана редакция текста, в том числе и благополучное его завершение. При дополнительном расспросе, исполнительница повторила «песню» медведя в таком виде: «Курлы-ы-ы, мурлы, – вот по своему, по-медвежьи. – Курлы-мурлы! Вся деревня спит, одна баба не спит, на мой коже сидит, мою шерсть предёт, моё мясо варит! – вот он по-своему, как поют, вот мы поём песни, по-своему: – Курлы-мурлы-ы-ы! Вся деревня спит, все люди спят, одна баба не спит, на мой коже сидит, мою шерсть предёт, моё мясо варит!» Текст «песни» медведя не пропевается, а декламируется в низком регистре. СУС 161 А* «Медведь на липовой ноге».

№ 11. «Медведь на липовой ноге»

«Вот у старухи не было звания – делать нечего. Дожила, что нечего делать!

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! Ой, старик! Уж што мне на-в избы одной-то эдак вот сидить-то да. Ты уйдёшь туды да сюды, а я всё одна дак, нечего звания делать! – на́да чем-то зане́тьце.

– А у меня рукавиц нет да и носков нет дак, – говорит. – Вяжи-ко мне дак.

– Не-е-ет, шерсти-то не-е-ет. Поди, бу́де, отсеки у медвядя ногу. Да́к отере́бим ногу-ту, да́к шерсть и будет.

Ну, старик ещё наредийсе, знает, где-ка берлог у медвядя. Давай иди. Пришёу. А медвядь верно што спит, и нога у ево роскинена – выше берлогу.

Взял, топором отсадил ногу – на плечо и домой! Пришёл:

– На вот, тереби!

Давай теребить оба – старик и старуха. Вы-теребили всю шерсть, старуха исчезала, к прялке привязала и предёт.

А медведь пробудийсе – и ноги нет! “Ой-ёй-ёй! Как я?” Сходиу, берёзу ссек, из берёзы сделал эдакую ногу берёзовую, привязайсе и пошёу в деревню – “уж это в деревню унесена нога моя”.

Идёт в деревню, у ево нога-та и скрипает – деревянная дак – скрипает и скрипает. И поёт песню:

– Скрипи-и-и-и, моя нога,
 Скрипи, липовая,
 По всем дере-е-евням спят
 И по сёлам спят,
 Одна баба не спит,
 Мою шерстку предёт.
 Приду да и съем!

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! Ой, старик, какую песню наслушаласе, пойдик-ко послушай и ты. Што ведь есть-то?

Старик давай иди слушать в окошечко – на мост,²¹ пришёл и слушает:

– Скрипи-и-и-и, моя нога,
 Скрипи, липовая,
 По всем дере-е-е-евням спят
 И по все́лам²² спят,
 Одна баба не спит,
 Мою шерстку предёт.
 А приду да и съем!

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй! Ой, ой, дедко, куды подева́змсе? Сеча́с ведь приде́т уж.

– Ну дак давай прятатьце. Я вот сяду на сошток, а ты – под сошток,²³ дак походит да не найдёт, дак уйдёт наза́д.

Идёт медвядь прямо в избу:

– Где, старуха, ты мою шерстку предёшь?

Старуха ведь што? – спря́таласе дак, молчит. Молчит, старик молчит, и старуха молчит.

– Давай.

Вот так, приходят. Госуда́рь спра́шивает:

– Ну как? Ответ дала моя дочь?

– Нет, ваше превосходительство, никак не дала.

– Да́к ты первый – говорит, – нашёлсе. У меня, – говорит, – ты́щца тут человек, и ни один не сказал мне, передо мной не соврал. А ты первый нашёлсе! Забрати́ ево! Посади́ть и за́втра пове-силь!

Ну вот, на́шево Ивана повели. Вот тогда-то Ум и Сча́сье и сошлы́се.

– Ну как? – Сча́сье спра́шивает Ума. – Вот Ивану́ за́втра сме́рть. Ты с умо́м-то направи́л ево, а вот без сча́сья, без меня, пропаде́т.

Тогда Ум и говорит:

– Слушай, – говорит, – я буду твоим младшим братом, ты уж выручи, если можешь.

– А выручу!

– Ну, пожалуста.

Ум стал подчиня́тьце Сча́сью.

Тогда, значит, што ж... наза́втра встаю́т, вы-водят на́шево Ивана, уже пе́тля гото́ва. А уже ког-да ка́знят люде́й, тут, значи́т, всё – и правительст-во, и наро́ду тут – публи́ки мно́го. Публи́ка эта уже вся знае́т о том, што сево́дня опять челове́ка ка́знить бу́дут. И вот выводят Ивана. Иван на три-буну взоше́л и громко вскрича́л:

– Слушайте, граждане! Скажите, пожа́луста, разре́шите, пожа́луста, мне ещё́ не́сколько слов сказа́ть перед своё́й сме́ртью.

Ну, там, коне́шно, ему разре́шили.

– Давай!

– Я, – говорит, – то́лько пять мину́т, больше – гово́рит, – я не заде́ржусь.

Давай гово́рить, нача́л:

– Вот, – говорит, – я ко́ров пас в одном селе. Идёт три челове́ка. Легли, реши́ли отдохну́ть, по-курили, потом легли, отдохну́ли, все усну́ли. А один встаё́т, берёт то́пор, де́лае́т челове́ка, ва́лит, и сам спа́ть лёг. Усну́л. Тут, – гово́рит, – встаё́т портной. “Ага, ре́зчик сде́лал челове́ка, – портной гово́рит, – он на́г, я со́шью ко́стюм – и мой па́й бу́де́т”.

А сам кры́чит это Иван, што́бы... А эта коро-лева, она ещё́ вот ка́жнэво челове́ка ви́дит и слы-шит. А он наро́шно кры́чит, произно́сит эту ре́чь:

– Портной со́шил, зна́ть, пова́лил. Встаё́т са-пожник. Сапожник обу́л – со́шил ему боти́нки. И то́же так же. Вста́ли, – гово́рит, – они, и давай спо́рить – кому́ этот челове́к принадле́жит? А ре́зчик ево́ научи́л ходи́ть и гово́рить. Вот я и прише́л сю́да – кому́ этот челове́к принадле́жит?

ем вопро́са, вот так-то, – и начина́ет. – Я, – гово-рит, – был па́стухом, у одной ре́чки у меня ста-но́чик был. А ре́чка всё в низине была. Идёт три мо́лодца. По ту сто́рону са́дятце отдохну́ть. Поку-рили, потом легли отдохну́ть. Легли, – гово́рит, – отды́хатъ, поусну́ли. Один встаё́т, берёт то́пор, де́лае́т челове́ка – чу́рак у нево́ был такой дере-вянный, из осины – и сам ло́житце спа́ть. Встаё́т, – гово́рит, – опять челове́к второ́й – а это́т был портной. “Што́ же, гово́рит, шли вто́роем, легли вто́роем, а ста́ло, гово́рит, че́твёрое. Это, гово́рит, ре́зчик сде́лал челове́ка, а он на́г, я со́шью ко́стюм, шля́пу и... Бу́дет, значи́т, и мой па́й”. Со́шил ко́стюм, шля́пу, всё нало́жил и уле́гсе спа́ть. Вста-ёт сапо́жник: “Ага! Шли вто́роем, легли вто́роем, ста́ло че́твёрое. Это, гово́рит, ре́зчик сде́лал чело-ве́ка, а портной оде́л, а он бо́с, я, гово́рит, боти́н-ки ему со́шью, оде́ну – и бу́дет мой па́й”.

Опять коро́леве гово́рит:

– Слы́шите, госпо́жа коро́лева?

Нет, всё ра́вно, отве́ту она не даё́т. И опять начина́ет:

– Вот встаё́т опять ре́зчик. “А, гово́рит, тут хо́чут при́пайтьца́ к моему́ челове́ку. Портной, го-во́рит, оде́л ево́, а сапо́жник обу́л. Нет, гово́рит, это́во не бу́дет. А я вот, гово́рит, сде́лаю то, што бу́дет ходи́ть и гово́рить”. Вот так и сде́лал. Ста́л челове́к ходи́ть и гово́рить. Тогда́ они встаю́т все, пробу́жаю́тца, и у их полу́чае́тца спо́р. Прихо́дят ко мне, – гово́рит, – ту́да: “Вот ви́дели такую́-то про́цедуру?” – “Ви́дел, все ви́дел ва́ши по́хожде-ния”. – “Вот ска́жите, пожа́луста, кому́ это́т чело-ве́к прина́длежит?” – спра́шивает меня́ ре́зчик. <...> Кому́ это́т челове́к прина́длежит? – и он ска-зал это́й коро́леве.

Она́ ему́ отве́тила:

– А по́ди и ска́жи – это́т челове́к прина́длежит тому́, кто научи́л ходи́ть и гово́рить. Это́т челове́к тому́ прина́длежит.

Ну и што́ ж? Всё, обраде́л и давай бежа́ть! А эти два жа́ндарма за́крываю́т на замки́ дveréи вто-рые, третьи, и так – че́твёртыи...

Прибе́гает к госуда́рю на́ш Иван.

– Ну, в че́м де́ло? Ка́к де́ла?

– Всё, ва́ше пре́восходи́тельство. Всё в поряд-ке. Ва́ша до́чь мне отве́т да́ла.

– Ну, давай, бу́дешь ли, ка́к гово́ритца, же-нихом?

А эти жа́ндармы по́шли:

– Ну што́ же – с ка́кэво-то госуда́рства ино́ст-ра́ннэво да па́стух, да он бу́дет на́шим госуда́рст-вом прави́ть? Давай – гово́рит, – ска́жем, што́ он, значи́т, со́врал. А ево́ за́втра пове́сят.

²¹ «Мост» – сени.

²² «Весе́лам» – возможно, от «весь» – сельцо, деревня.

²³ «Сошток» – шесток.

Тогда королева из окна высунулась даже до пояса и кричит:

– Я, – говорит, – тебе вчера сказала: поди и скажи, што этот человек принадлежит тому, кто научил ходить и говорить.

Тогда Иван и говорит:

– Слышите, – говорит, – публика, што тво́ритца? Может быть, много голов тут погубло таких, как и я!

Тогда государь и говорит:

– Ну, слышите – на место одной пётли сделайте две.

Две сделали, жандармов этих обоих – в пётлю. Ивана берёт за руку и повёл себе в столицу или, как говоритца, в свои кабинеты.

– И вот если не брезгуешь, вот – твоя невеста.

Тогда Иван у нас сейчас зажил хорошо и живёт – просто прелесть.

Вот сказка вся, вот так произошло дело».

д. Левап, Нижнепеченгский с/с, Тотемский р-н. Исп.: Дурнев Иван Андреевич, 71 г. Зап.: Кошелев В. В., Беккер Р. И., Ругаев Н., 16.07.1971. Экспедиция ЛОЛГК (СПбГК). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 348-01. Расп.: Валевская Е. А. СУС 945 «Ум и Счастье». В Указателе зарегистрированы только украинские и белорусские варианты.

№ 6. «Аннушка и разбойники»

«Буду говорить сказку. Жили отец да мать, у их была дочка Аннушка. Отец да мать поехали в гости и наказали:

– Ты, Аннушка, здесь это – подой коровушку, напой кота Васеньку, запри двери по-хорошему и начёвай.

Аннушка шла доить коровушку, а двери-то не закрыла. Там пока доила, зашёл разбойник в избу-гу у них и стал за печь, тут-ка лесенка есь, дак на лесенку, этот разбойник – и стоит. Когда Аннушка подоила коровушку, налила молочка и зовёт котика поест:

– Вася, Вася, кыс-кыс-кыс! Кыс, Васенька!

А он там:

– Мяу, мяу! – разбойник вот.

Она:

– Васенька, выходи!

Пошла там посмотреть-то, там – у-у-ух! – какой разбойник стоит! Ну вот, он вышел и говорит:

– Где у вас деньги? Давай деньги, девушка, мне!

Она говорит:

– Папа, мама уехали в гости, а у их деньги на сарае в сундуке.

Ну вот. Говорит [разбойник]:

– Веди давай меня, полезай за деньгáм!

– А не-е-ет, мне, – говорит, – дяденька, не достать денежки-то. Ты буде сам – говорит, – полезай туда – большой сундук-от.

Он туда залез. Девочка-та, Аннушка-та, закрыла да и замочек навешала.

Ну вот. А там... раз он разбойник, дак это воровать пришёл дак, приехали онé там, разбойники, на лошадях. А там два брата в подокошке-то стоят, дожидаятца ево: долго ли он с денежкам-то не выйдёт, этот разбойник вот? А девушка-та прибежала в избу-ту. А онé ждали, ждали – ево нету, брата-та с деньгáми-то, полезли в окошко-то. Девушка взяла топор да отрубила руки-то. Онé туда оба это упали. Она испугалась всей этой крови да всево, залезла эта девушка на печь, сидит.

Отец да мать приехали, стúкаютца:

– Аннушка, Аннушка, открывай!

Аннушка не отзывается, у ёй язык отнялся, у этой девушки. Ну вот. Отец это посмотрели, всё такоё, значит, залезли, всё, девочку устроили тут-ка.

Потом, значит, эти... А там их ещё у разбойников-то есь братья, где они жили-то – далеко-то, в лесу-ту. Ну вот. А те братья-те потом это узнали, шо эта девушка-то растёт и она отрубила руки-то ихным-то братьям-то. Потом те братья приехали свáтом на этой девушке, когда она это выросла, уже стала взрослая. Отец долго не отдавал. Онé говорят:

– Мы очень богатые, там у нас хлеба много, коров много, всево, отдай!

Отец, значит, отдал за этих за разбойников девушку. А онé взяли ее не жить, а шóбы, в óбшем, её тамо-ка убить или сварить в котле.

Вот этой девушке приказали:

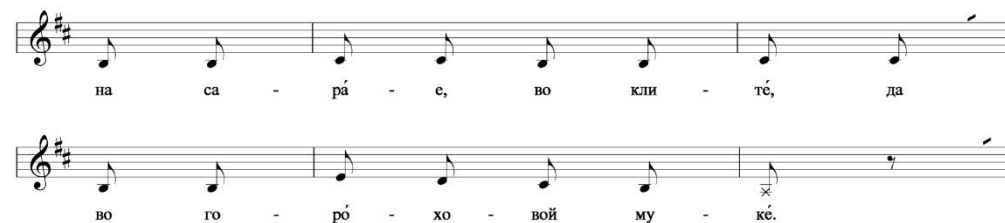
– Носи ты водичку, носи воду в котёл. Когда котёл закипит, дак ты нас разбуди, – это разбойники-то говорят.

Они за бра́тьёв-то хотели ёй отомстить. А у их была такая кухарка – женщина жила. Женшина и говорит:

– Аннушка, ты носишь водичку-ту, – говорит.

– Ты смотри, это тебя хотят сёдне в котле-то сварить-и-ить. На себя водичку-ту носишь. А вот наносишь водички-то, – говорит, – да сымй с себя-то всё да, и побегáй! – говорит. – Ведёрка тут повешай на гвоздóчик, одёжицу сними да убегай! – говорит.

Ну вот, она так и сделала. Раздélасе, сарафанчик, тут повешала всё, платочик повешала и

№ 9. «Ленивая невеста»

«Я иишó счас вам расскажú сказку.

Вот тóжо так жо были у родителей дети. <...>

Дочка была. Приехали тóжо свáтáтыца. Ну вот, значит, а жéних и спрашивает:

– Слушай, как ты живёшь?

– Хорошо.

– А чем ты днём-то занимаёсся?

– Ой! Плáтьё одно одеваю, вторóе снимаю.

Вот целый день: одно снимаю, вторóе одеваю.

Хорошо. А жéнихú чё – <...> нáдэ, знáэшъ, девку узнать ведь.

– Ну а как ты, – говорит, – пироги-те пекёшь?

– Ой! Ведь на ёлках, – говорит, – буханкам растёт.

Ну вот, раз растёт буханкам, дак он опять так это всё продолжает дальше.

– А слушай, – говорит, – а как ты, – говорит, – чай-от пьёшь?

– А у меня глы́ба²⁰ висит – ну тут, над моим столом, дак я попью да пососу, попью да пососу.

Хорошо. А потом и говорит:

– Слушай, а мягко ли ты спишь-то?

– Ой!

– Кровать-ту как заправлéешь?

– Ой, я не заправлéю. У меня тут комната с пухом, я нырну да вынырну, нырну да вынырну.

Он посмотрел да говорит:

– Нырéй да выныривай!

И уехал. Вот так и осталаси».

д. Ивановская, Уфюгоский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Хомякова Екатерина Андреевна, 1926 г. р. (из д. Мартыновской, род. из д. Наквасино). Зап.: Федотовская О. А., Коншин О. Н., Бородина А. Н., 27.03.2003. Экспедиция ВГПУ. Архив ЛНМТ ВГПУ, № ЭАФ 2253-41. Расп.: Балувская С. В. В СУС прямые соответствия не зарегистрированы. Сказка представляет собой развитие темы о глухих и ленивых невестах (ср. СУС 1450–1474).

²⁰ «Глыба» – вероятно, имеется в виду «сахарная голова».

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

№ 10. «Медведь на липовой ноге»

«Как жили бабушка и дедушко. И вот бабушка и говорит дедушку:

– Как мы будем жить?! У нас мяса нет, шерсти нет. Нáдэ шубу шить. У нас ничево́ нет. Поди-ко, – говорит, – дедушко, в лес. Спит медведь в берлоге, отруби ему нóгу и принеси домой. Тут бóдётся у нас шерсть, бóдётся мясо, бóдётся и кожа (а кожу эту – значит, нáдэ сшить ему шубу). <...>

Вот дедушко пошёл, увидел берлог. Вот. Потихóньку-помалéньку, украдкой к нему подошёл, к берлогу к этому, медведя увидал. Вот нóгу ему отсек. Нóгу отсек, это значит, и тащит домой. Тащит домой, а сам пришёл домой – так употéвши!

– Ну, бабка, у нас сичáс бóдётся мясо, бóдётся шерсть, бóдётся и кожа!

Ну вот. Она сразу:

– Ну, ладно, давай! Хорошо, бóдётся это всё у нас, мы проживём сичáс.

Доживают они до вечера. А это уж бабушка шерсть эту обстригла – с кожи и сидит предёт. Вот. Медведь идёт... на ногу сделал себе этот котстыль, идёт:

– Курлы-ы-ы, мурлы,

Курлы, мурлы!

Вся деревня спит,

А одна старуха не спит,

Мою шерсть предёт,

На моёй коже сидит,

Моё мясо варит!

Вот, значит... А эта старушка услышала. Дёдко и спит на печке. Она говорит:

– Дедушко, дедушко, ведь медведь-то под окном кричит!

Да бабушка:

– Ну, дак чёво, давай.

Ещё пили-пили: пить чай... Ещё по стопочке! Бабка уж вовсё пьяная стала.

Салдат думает: “Вот и ладно”. У салдата забродило на уме-та: вот в клить-то забратьце в эту уж. Всё уж ему тут на письне-то выпето, выпела уж она всё.

Вот слушаё, слушаё. По стопочке-то, ещё ей стопочку навалиё. “Ой, ведь не могу и сидеть,” – на постелю с ней сунуёсе. Сунулась [бабка] и сразу захрипела.

Салдат: “Ну-ко, ужó сходить на сарай-от. Шчё у иё за клить?” Подняёсе на сарай-от: такая лисенка была... ступенька, другая. Тут верно, шчё – клить: двёрцы затворены. Двёрцы отвориё, погледё: коё-шчё ес[т]ь – квашонка с мукой с гороховой. В гороховой-то муке маленько рукой-то поискаё, тут и нашёу денежки-те в кошелёчки. Ох, баре, хорошо!

Ну, ладно это. Счас денежки свои ёте все присвоиё к себе, пехнуё в карман. (А денежок уж не знаю – много ли было...). Ну, ладно. Приходит в избу.

– Шчё, бабушка, уж спишь?

Бабушка уж и голоску не подаёт. Ну, ладно. Денежки посчитаё – да дивно денежок-то, дак: “Ой, – думает, – и ладно”.

– Ну, дак ты, бабушка, спишь, а уж я пойду ко своёй жёнушке. Не сколь уж ётта далёко, дак дойду.

Она уж и голоску не подала.

Вот пошёу ко своёй жене. Ну, пришёу, всё ёй это жо тожо рассказаё. Ну, жена тожо, как ведь, самовар согрела да угошшаёт ево.

А потом... А старуха эта спала, спала, да проспаласе. У! – погледела – уж ево нет негде.

– Ванька, Ванька, где ты, где? Ваня, где?

Нотный пример к сказке № 8:

♩ = 120

Ой, дё - - - вуш - - - ки,
да у ба - буш - ки есь дё - нёж - ки,

¹⁹ «Сборажена» – по-видимому, от «бористый, борчатый» – мука собрана «борами, складками, морщинами». Даль В. И. ТС. Т. 1. С. 114.

вёдра. Оне, разбóйники, все спят, а вода вовсю уже кипит в котле. Ну вот. А оне думают, шо она тутó-ка стоит. Утомиласе, воду носила, дак спит. Оне потом, значит, это пробудилисе, эта бабка-та разбудила их, куфáрка-та, говорит:

– Вода-та кипит, – говорит.

Оне подошли, хотели девушку-ту бросить, а тут только еонная одёжа, а она уже, девушка, убежала – домой к отцу.

Бежит, бежит тамо-ка дорóгой-то. Дядька едет. А оне уж, разбóйники, едут, собаки лают тамо-ка, на конях догоняют эту девушку, шобы догонить.

Ну вот, она ётово, девушка-та, догонила – дядька едет, ёдакие лукошка продавать повёз.

– Дёдушко, посади меня в лукошечко! Меня разбóйники догоняют, хотят убить.

– Не-е-ет, оне у меня распехают весь воз! Нет, я тебя не посажу.

Потом пожалел эту девушку – она в одной рубашечке бежит, посадил в лукошко такоё большоё. Оне доезжают, догоняют ётова дёдушка.

– Дёдушко, ты не видал – ёта девушка бежала, значит, голая?

– Не-е-ет, дётоньки, у меня не тро-о-огайте лукошечёк, всё-о-о вы у меня тутó-ка распехаёте, я – старóй человек... Не видал никакие девушки!

Ну, оне дальше поехали опять туда. Догоняют. Она там бежала, бежала, догонила дядьку. Дядька везёт сена воз – большúший.

– Дя-я-яденька, посади меня в сено в воз, доведи, меня догоняют разбóйники.

А собаки там всё лают, сзади, слышно, как оне подъезжают. Ёй этот дядя говорит:

– Нет, не посажу, оне у меня спёхнут сено, потом – большой воз мне-ка не окласть.

Но потом он пожалел эту девушку, развязаёл воз, её положил под пласт там сена и повёз. Говорит:

– Куда я тебя повезу?

– А вези к моему отцу прямо на сарай и сено, – говорит, – сваливай.

А он говорит:

– Богатый у тебя отец, не купит моего сена.

– Да купит, вези, вези прямо.

Вот этот дёдушко везёт с девушкой этот воз сена. Приезжаёт он к отцу к еонному, говорит:

– Слушай, хозяин, купи, – говорит, – у меня воз сена.

– Да не нада мне, – говорит, – сена. У меня своево навалом сена.

– Да купи! – говорит, – не покаёшьсе.

– Нет, не буду покупать.

– Ну, бери, – говорит, – бесплатно.

– Ах, бесплатно, – говорит, – завози на сарай.

Оне стали воз этот спёхивать-то. Сначала пласт спехнуло – ничёво, а потом второй спехнуло – девушка-то выбежала. Отец-то обрадывался: – О-о-ой, – говорит, – Аннушка! Где ты взялась-то? – говорит. (А раньше папой не звали, тятёй звали).

– О-о-ой, тятенька, меня ведь разбóйники эти, которые у нас деньги хотили украсть дак, меня хотили в котле сварить дак, вот я так и попала.

Дак вот она потом, эта девушка, стала жить да поживать с отцом, и всё обошлось нормально.

Вот и сказочка.

Коточик да палочка, вот вам моя и сказочка».

л. Верхнее Каменное, Городищенский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Терёбова Галина Васильевна, 1919 г. р. Зап.: Лобкова Г. В., Чиркова Л. И., 16.09.1987. Совместная экспедиция ЛОЛГК (СПбГК) и ВГПИ (ВГПУ). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2314-29. Расп.: Валевская Е. А. Комм.: «Бабушка ещё рассказывала. А бабушка уж в тридцать четвёртом году умерла – восемьдесят годов жила. Дак я с двадцатого года, так она, может, мне рассказывала в двадцать пятом году да, в двадцать четвёртом. <...> А коточик – лапóтки шлеи, такая железная штучка. <...> Как ложка, а черешок – тамо-ка клиточкой – узенькой, вот и поддевают, а это место – как у ложки – ёдакой глубокой». Г. В. Терёбова рассказывает сказку динамично, напористо, постоянно сохраняя эмоциональное напряжение. СУС 956 В «Девушка и разбóйники».

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

7. «Ромушка да Аннушка»

«Жили-были Рóмушка да Аннушка. Аннушка была очень хорошая из себя. И эта Аннушка знакомилась со священником (с попом), псалóмшиком, с дьяканом. А Ромушка всё у её ходил на охоту. Вот.

Она ходила, Аннушка, в цёрков. И в церкви она всё вставала впереди, штобы пондравитьца попу, и салóмшику,¹⁶ и дьякану. Ёво, Аннушка одевалась хорошо, в старинном наряде. А Ромушка всё дома сидит.

Ну и вот. Подходит к ней поп... кончилась эта служба, подходит поп:

– Аннушка, Аннушка, с тобой нельзя ли ночки начевать?

¹⁶ Рассказчица произносит это слово по-разному: «псалóмшик» и «салóмшик».

А она отвечает:

— Отчево нельзя? Тулуп суконный да лошадь давайте и будете начевать, — так Аннушка отвечает попу.

А в это время саломщик подглядывает — о, как хорошо говорит Аннушка с попом. Поп-от отошёл от Аннушки такой радостный, значит. И псаломщик подходит к Аннушке. Да Аннушка всё поджидает их. Саломщик подошёл:

— Аннушка, Аннушка, какая вы красивые! Нельзя ли с вам ночи начевать?

Она и говорит:

— Почему нельзя? Тулуп суконный да сто рублей деньгам.

Ну и вот. Она, значит, и хочет идти. А вдруг подбегают дьякон — маленький такой, к ей [произносит в высоком регистре, торопливо]:

— Ой, Аннушка, Аннушка, какие вы красивые, какие вы хорошии, нельзя ли ночи с вам начевать?

— Почему нельзя? Можно, можно! Пожалуста, пожалуста! Только — сто рублей деньгам и тулуп суконный.

Ну вот. Аннушка, значит, так обрадовалась — всё ровно эти придут к ней начевать. Приходит домой:

— Ромушка, Ромушка, вот так-то дела-то... — и рассказывает своему муженьку: — Вот поп мне пообещал лошадь хорошую и тулуп суконный, и начевать ночку.

— Давай, Аннушка, обманем мы их, обманем. Вот, значит.

— А как будем обманывать? — Ромушка и говорит Аннушке.

— А ты иди, — говорит, — на охоту, а в это время ко мне подъезжать будут. И ты побудь там часа два на охоте и приходи домой.

Вот, значит. Они так и сделали.

Вдруг поп это едет на двух лошадях. Одну лошадь — Аннушке, <...> тулуп суконный подаёт Аннушке. А Аннушка забирает этот тулуп суконный-то и ложит себе на руку, и выносит в другую хоромину — вот в избу. Унесла тулуп суконный. Ну вот, он сидят... А она самоварчик согревает, всё по одному уголку ложит, чтобы самоварчик медленно согревался. И так. Вот сидят-посеживают, они любятца, там розговаривают с попом. А поп поглядел в окошко [говорит почти шёпотом]:

— Ой, Аннушка, саломщик едет! — ну и так Аннушке; — Ой, да куда мне, — говорит, — детьца? Куда детьца?

— А вон, — говорит, — на полатах, там есть коробушка. А лазай туда — под коробушку.

Вот, значит, под коробушку залез поп туда. Псаломщик приходит, сто рублей денег подаёт и тулуп суконный. Аннушка это всё забирает преспокойно, опять в другую избу уносит. Так сидят... А всё самоварчик натягивает¹⁷ это потихонечку — один уголок положит, два, в самоварчик, он долго кипит. Ну вот, значит. Сидят это, любятца. А поп сидит под этой... сейчас в коробушке, на полатах.

Вдруг, смотрит в окно са... [Произносит почти шёпотом]:

— Ой, Аннушка, дьякон подъехал! Ой, куда мне, — говорит, — детьца-то?

— А вы, слушайте, лазайте под стол! Лазайте под стол.

Ну, он залез под стол, этот саломщик. Вдруг дьякон приходит и опять приносит сто рублей денег, тулуп суконный. Она забирает это всё, уходит. Вот сидят с дьяконом они, розговаривают всё это... Вот она смотрит да [произносит шёпотом, испуганно]:

— Ой! Ой, батюшки! Ромушка идёт! Ой, батюшки, Ромушка идёт!

— Ой, куда мне детьца? — это этот дьякон-то и говорит. — Куда мне детьца-то?

— А вон — под лавку, под лавку! Лазай под лавку.

Вот залез этот, значит. Ромушка заходит в избу [говорит нарочито строго]:

— Што так много лошадей, — говорит, — на этом, на дворе?

— А гости у меня были. Гости были и позабыли лошадей. Вот, дак придётца их забирать, — говорит [притворно ласково], — во двор во свой.

Ромушка:

— Нет! Нет-нет-нет!

Вот. Идёт с ружьём, это значит, и говорит:

— Аннушка, открой окошечко, я стрельну, — говорит, — в окошечко, — он, значит.

Она и говорит:

— Не-е-ет, Ромушка, зачем, зачем?

Открыла окошко.

— Нет, я не буду в окошечко, — говорит, — стрелять, а я буду в коробочек стрелять.

Вот. Поп выскочит из этого из коробо... — с полатай! Прямо, значит, бежит на улицу, всё. А эти испугались и раньше попа выскочили — саломщик и дьякон — на улицу. Вот поп сел на дья-

канову лошадь, а дьякон — на попову, а саломщик — на свою. И поехали спокойно.

Вот моя сказочка, коточик да палочка.

Всё. Аннушка осталась при своих интересах — при деньгах, при тулупах, вот».

д. Лопатино, Космарёвский с/с, Нюксенский р-н. Исп.: Ложкова Наталья Фёдоровна, 1914 г. р. Зап.: Получистова О. А., Афанасьева О. В., 19.09.1987. Совместная экспедиция ЛОЛГК (СПБГК) и ВГПИ (ВГПУ). Архив ФЭЦ СПбГК, № ОАФ 2337-20. Расп.: Вальская Е. А. Комм.: «Коточик — у нас лапти плетут, дырки делают, чтобы лыко туда...». Н. Ф. Ложкова рассказывает сказку «в лицах», мастерски передавая интонацию каждого участника событий. СУС 1730 «Поп, дьякон и дьячок у красавицы».

№ 8. «Солдат и старуха»

«Шёшь салдат из а́рмии. На́дз где-то начевать — а где, он не зна́ет. “Вот пойду ужо в деревню, дак в деревне скоряе пустят” (некак в городе ведь не пускают). Пошёу. Шёу, шёу, шёу, до деревни дошёу. Увидяу огонёк в одной избушке: “Зайду ужо” (ночью ведь дело-то дак).

Зашёу, тут старушка сидит.

— Бабушка, пусти меня начевать.

— Начевать? Дак шчё, начевай! Ты отку́ля идёшь?

— А я, — г[овори]т, — из а́рмии иду, домой пошёу.

— Ну дак шчё, начевай, ведь не жа́уко!

Вот старуха пустила начевать. Вот. А он её на лавочку тут к столу и сидит:

— О-хо-хонюшки, да всё не дома!.. О-хо-хонюшки, да всё не дома!..

— Дак чевó у тебя дома-то? Чевó тебе на́дз-то? Дома-то шчё, ведь эво — домой пошёу дак...

— Дак ведь ещё далёко дом-от... — Опеть: — О-хо-хонюшки, да не дома!..

— А чевó тебе?

— Да ведь дома-то у меня жёнушка ес[т]ь. Дак вот жёнушка-та была бы, дак самоварчик бы согрела. Кабы я уж к жёнушке-та пришёу, дак самоварчик бы согрела да, чайком бы меня угостила.

— О-о-ой, дак шчё ты? Ведь и я согри́ю, — бабка-та, ты понима́шь? — И я согри́ю ведь тебе.

Ну.

— О-хо-хонюшки, да всё не дома!..

Опеть посидит да:

— О-хо-хонюшки, да всё не дома!..

— Чевó тебе дома-то, чевó?

— Да ведь как бы родная-та у меня бы жёнушка, дак бы бутылочку принесла да и винья мне бы налила.

— О-о-ой, дак шчё ты?! Неужели вина-то я не принесу? Я принесу тибё и вина. Пей!

Ну вот. Принесла вина. Салдат сибё стопочку налёт, да и ёй — стопочку. Вот за чайком-то сидят и выпивают. Выпили, да уж выпивши стау салдат-от, да ведь уж и она-то...

Ну вот.

— Давай, — говорит, — уж ко́ли так, лёжисе, вот эво постёлю постёлю, дак лёжисе.

Ну, а шчё салдат — всё не лёжйтце. А старуха-та:

— Я ведь, вишь, вот пьяная!

— Давай ещё по стопочке, бабушка, выпьём!

По стопочке ещё выпили, старуху потянуло на пляску:

— О-ё-ёй! Я ведь вот плясать уж согласна.

— Дак давай, бабушка, станем плясать. И я попляшу.

Забрались за ручки да и пляшут. Старуха пляшет и поёт пёсьню:

— Ой, девушки,

Да у бабушки ес[т]ь дёнежки

На сарае, во клите¹⁸

Да во гороховой муке.

Салдат-от слёшаэт: “Ой, вот топёр-от какая пёсьня-та у бабушки! Нельзя ли понёть этые пёсенки-то?” Вот ещё:

— Ой, бабушка, какая пёсьня у тебя хорошая! Ты попой мне ещё. <...> Бабушка, спой ещё эдакую пёсенку.

Бабушка опеть поёт:

— Девушки,

Да у меня ес[т]ь дёнежки

На сарае, во клите

Да во гороховой муке.

— О-ё-ё-ёй! — салдат-от. — Пёсьня-та какая, пёсьня-та! Ох, будь ты проклят! А ведь у меня, ведь я иду, а и дёнег нет, еду...

Она опеть ему спела эдак. Он уж всё хорошо поняу. Ну ладно.

— Ой, хорошая, бабушка, у тебя пёсенка, хорошая!

Ну вот, хорошая.

— Вот давай ещё, буди, попьём чайку, да уж станём спать лёжйтце.

¹⁷ «Натягивает» — в значении «тянуть» время, делать медленно.

¹⁸ Клеть — чулан, кладовая.